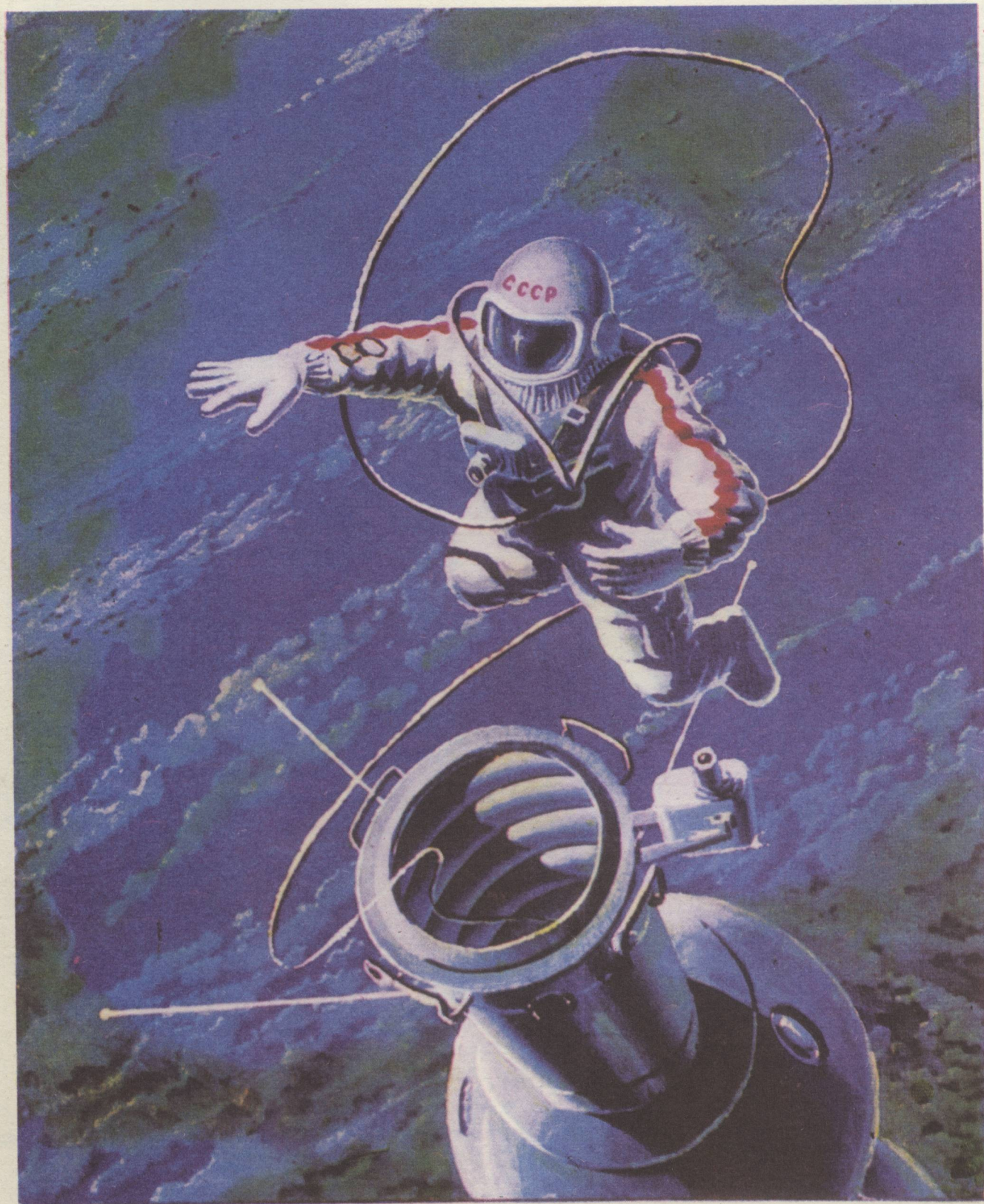

12 АПРЕЛЯ—
ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1976

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ С БРОНЕВИКА 3 (16) АПРЕЛЯ 1917 года

Гравюра П. Старонова

У МАВЗОЛЕЯ

Отсюда, от стен Мавзолея,
Где знамени слышен полет,
Россия намного виднее —
И подвиг ее, и народ.

Я вижу безбрежие пашен
И все, чем дышу и живу, —
Великую Родину нашу,
Мечты Ильича наяву.

Леонид ХАУСТОВ

★★★★★

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1976 г.

На обложке картина
летчика-космонавта СССР
Алексея ЛЕОНОВА
„Первый выход
человека в космос“

КОНСПИРАТИВНЫЙ АДРЕС

ПИОНЕРСКИЙ ПОИСК

НА ЧЕРДАКЕ СТАРОГО ДОМА

Поселок Северный — тихая окраина Выборга. До революции он назывался Сауна-Лахти — «Банный залив».

Жители одного из домов в поселке уже привыкли к частым посещениям ребят из Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова. Следопыты вдоль и поперек исходили участок, измерили его, сфотографировали, начертили схему. Все им здесь было интересно, но особенно привлекал сам дом. Гостеприимные хозяева показали все пять комнат. Наконец добрались и до чердака.

...Лучи фонариков медленно движутся вдоль стропил, покатых стен, надолго останавливаются на плотно спрессованной засыпке перекрытий. Внимательно и неторопливо,

сантиметр за сантиметром перебирают ребята слежавшийся песок и опилки. Время от времени раздаются возгласы:

— Еще газета с адресом!

— Старая открытка! Конверт!

Что только не попадалось под руки! Письма на финском и русском языках, непонятные бланки, блокнот с карандашными рисунками, газеты, журналы полувековой давности.

Особенно повезло Володе Андрееву и Сереже Белову. Под опилками они нащупали патроны от «кольта» и затвор от русской трехлинейной винтовки. Пока еще трудно сказать о ценности каждой находки. Это дело будущего. Но ясно одно — на всех старых газетах и письмах не случайно указывался один неизменный адрес: «Сауна-Лахти, 27»...

Поиск всегда интересен для больших и маленьких. А если

он связан с жизнью большевиков-подпольщиков, бесстрашно выполнявших задание В. И. Ленина, если надо разыскать конспиративную ленинскую квартиру?

Тогда это уже не просто интересно, а чрезвычайно важно.

НАХОДКА В СЕМЕЙНОМ АРХИВЕ

Более полувека известно о факте посещения В. И. Лениным осенью 1907 года квартиры А. Г. Шлихтера в Сауна-Лахти под Выборгом. Но ни в одной из книг о памятных ленинских местах ее адреса нет. Много лет пытались установить эту одну из важнейших большевистских явок периода первой русской революции.

...Один из многих новых домов столицы на Профсоюзной улице. Дверь открывает вдова сына А. Г. Шлихтера — Анна Ефимовна. В семье бережно хранятся письма Александра Григорьевича, его книги, документы, фотографии. Сын А. Г. Шлихтера, Борис Александрович, с большой тщательностью готовил последнее издание воспоминаний своего отца — «Ильич, каким я его знал», выпущенное к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Все в этой квартире кажется значительным, интересным. Можно смотреть много часов подряд. Но есть ли что-нибудь о Выборге? На стол ложатся две любительские групповые фотографии. Десять человек у большого камня. Все большое семейство Шлихтер, да еще гости. На обороте надпись: «Финляндия. Сауна-Лахти, около Выборга. Лето 1906 г. Дача Ловен». Вот он, ключ к поиску!..

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Выборг — город славных революционных традиций. Яркие страницы истории города связаны с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина. Впервые Владимир Ильич увидел Выборг в ноябре 1905 года, когда возвращался

из эмиграции через Финляндию. Позже, в 1906 и 1907 годах, он неоднократно приезжал сюда, пути его в Таммерфорс, Лахти, Гельсингфорс проходили через Выборг.

Если дача «Ваза» была тогда большевистским штабом, Терийоки (ныне Зеленогорск) — своеобразным залом заседаний, где проходили все конференции большевиков Петербурга, то Выборгу Владимир Ильич отвел роль печатного цеха, откуда по всей России разлетались большевистские листовки и газеты «Пролетарий», «Вперед».

Не случайно А. Г. Шлихтер оказался в Выборге. Сын столяра, Александр Григорьевич со студенческих лет участвует в революционном движении. Тысячи рублей обещала охранка за поимку Шлихтера, но предателей не нашлось.

Апрелев, Евгенов, Никодим, Нестеров — за десятилетия подпольной борьбы с царизмом немало имен переменял А. Г. Шлихтер. В автобиографии, хранящейся в Центральном партархиве, А. Г. Шлихтер писал еще об одной своей фамилии. В конце 1905 года «...переехал в Финляндию, где жил в деревушке Сауна-Лахти, под Выборгом, по паспорту Ананьина, до начала 1908 года... Осенью 1907 года Ильич останавливался проездом в Петербург на ночевку у меня на квартире под Выборгом...»

По поручению В. И. Ленина А. Г. Шлихтер занимался подготовкой и выпуском газет. Верной помощницей Александра Григорьевича была Евгения Самойловна, жена и единомышленница, секретарь, корректор и выпускающая большевистской газеты «Пролетарий», а затем и газеты «Вперед». Много времени занимали у нее и семейные заботы — трое сыновей росли у Шлихтеров.

В первой половине августа 1906 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна провели две недели в Выборге. В. И. Ленин, как вспоминал А. Г. Шлихтер, «сам выпустил первый номер газеты «Пролетарий». Он «юношески радо-

вался успехам и быстроте организации нового газетного аппарата».

А. Г. Шлихтер часто сопровождал Владимира Ильича на прогулках по Выборгу. Уже тогда Шлихтера поразила многогранность кипучей натуры В. И. Ленина и особенно его любовь к природе. «Эта его любовь к природе,— писал Александр Григорьевич,— сказалась во время пребывания его в Выборге. Мне пришлось несколько раз показывать ему окрестности Выборга. Я помню, Ленину очень понравились и сами рвы, заросшие густой зеленой травой». Рвы же эти граничили с поселком Сауна-Лахти.

В начале лета 1907 года вечерним петербургским поездом в Выборг прибыла группа подпольщиков — «кавказцев» для выпуска большевистских изданий. Это были опытные печатники, работавшие раньше в бакинских нелегальных типографиях. Они благополучно добрались до явки-квартиры Шлихтеров на Сауна-Лахти. Но хозяйку дома не застали. Евгения Самойловна ждала гостей до определенного часа и отправилась на другое конспиративное свидание. Она, конечно, не знала, что вечерний поезд опоздал, но на всякий случай предупредила старшего сына, чтобы тот встретил приезжих и никуда их не отпускал до ее прихода.

Гостям скоро надоело ждать, они довольно громко выражали свое беспокойство. Оно и понятно — ведь им хотелось

как можно скорее доставить в типографию «Пролетария» шрифт, который привезли с собой. Взволнованные длительным сидением гости не обращали внимания на незнакомца, сидевшего в стороне и читавшего газету. Он не вмешивался в разговор, только изредка поглядывал на приезжих. Когда у ожидавших вот-вот должно было лопнуть терпение, незнакомец сложил газету и предложил проводить товарищей в типографию. Неловкое настороженное молчание было ему ответом. Сын Шлихтеров одобрительно кивал головой, мол, товарищ свой, надежный. Пошли порознь — провожатый впереди. Прежде чем отправиться в путь, он строго предупредил о всех предосторожностях. Дошли благополучно и распрощались.

Бакинцам-печатникам регулярно доставляли рукописи статей Владимира Ильича. Ездили за ними на дачу «Ваза» А. Г. Шлихтер, Евгения Самойловна. Они каждый раз передавали от Ильича сердечные приветствия. Печатникам, конечно, хотелось повидать Ленина. Когда однажды зашел об этом разговор, Евгения Самойловна сказала:

— Да ведь вы уже его здесь видели и говорили с ним!

«Я ахнула, — вспоминала участница этих событий С. П. Тодрия, — оказывается, незнакомец, который проводил нас в типографию, был

Владимир Ильич Ленин. В целях конспирации он так искусно был загримирован, что я его не узнала».

ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

Ленинградский областной архив в городе Выборге — белое, строгой формы здание на гранитном утесе над заливом. Многие годы здесь работают добрые, отзывчивые люди. После находки фотографии в семейном архиве Шлихтера мы решили перелистать хорошо знакомую толстую книгу с фамилиями дачевладельцев и их жильцов. Нет ли здесь фамилии Ловен, у которых снимали дачу Шлихтеры?

Записи сделаны скорописью, небрежно, естественно, по-фински. Участков в поселке было тридцать девять, и все записи требовалось внимательно просмотреть. Строчка за строчкой, фамилия за фамилией. Перечеркнутые слова, поправки, дописанные имена. Не слишком аккуратно вели эту книгу в конторе Выборгского губернского правления.

Остановились на участке номер 27. Скупые строки раскрыли юным исследователям целую историю. В начале века дом арендовала вдова купца Кроватинская, у нее жили две финские семьи. Но затем вдова продала свой дом, жильцы вынуждены были уехать, и арендатором участка стал Биеншток. Вот у него и поселились Ялмар и его жена Лидия Ловен.

Удивительно, как иногда вяжутся в одну цепь звенья совсем, казалось бы, далеких друг от друга событий. Искали и нашли в списках Ловен, но арендовал дачу Биеншток. Эту фамилию встречали раньше в фондах ленинградского Музея революции. Там хранится записная книжка замечательного революционера Н. Е. Буренина, автора книги «Люди большевистского подполья». На одной из страничек такая запись: «В Сауна-Лахти под Выборгом жила и помогала в деятельности Боевой группы (при ЦК РСДРП) семья Биеншток». Николай Евгеньевич Буренин

указывал на хорошую осведомленность Биенштока в конспиративных делах партии, их семья помогала нелегальному проезду Горького за границу. Так определенно просматривалась связь: Ловен, Биеншток, Шлихтер. Не Биенштоку ли, связанному с боевиками, принадлежали найденные на чердаке патроны и затвор?

Оставалось как будто совсем немного, чтобы завершить поиск — найти бывший участок, где жили Шлихтеры. Просто сказать — труднее сделать. Сколько с тех пор воды утекло, все изменилось. И на этот раз помог Выборгский архив, где сохранилась уникальная план-карта северо-западных предместий Выборга, вычерченная еще в 1905 году. Что же на ней обозначено?

Почтовая дорога из Выборга на Гельсингфорс делит поселок на две почти равные части. С запада естественной границей поселка и всех участков, расположенных по левой стороне, служил залив Сауна-Лахти. С востока поселок ограничивало полотно железной дороги. Нумерация домов была сквозная, с первого по тридцать девятый — по часовой стрелке. Нашли на плане 27-й участок. Он на восточной стороне поселка, его задний двор выходил на железную дорогу...

Автобус привез нас в поселок Северный. Приблизительно, что называется, «на глаз», ребята пытаются определить по копии плана 1905 года, где же находился бывший участок № 27? Какое совпадение! Похоже, что дом на Коммунальной улице остался под номером 27. Правда, сразу обратили внимание, что современная нумерация домов ничего общего не имеет с расположением участков на старинном плане... Но уж очень хочется ребятам верить в совпадение!

Сфотографировали этот дом, поставленный на покато гранитном основании. Теперь надо убедиться в правильности решения задачи, взглянув в современную документацию.

Против знаменитой «круглой башни» в Выборге располагается учреждение, которое называется: «Бюро технической инвентаризации». Здесь в тысячах папок хранятся подробные паспорта на каждый участок, на каждый дом в городе и пригороде. Вот они, планы старых деревянных зданий в поселке Северном! Ребята переносят на кальку нужное: расположение комнат, указания о сохранности, приблизительное время постройки. Предстоит сложная операция — привести к одному масштабу планы разных лет, только в этом случае возможно совместить границы участков. Наконец, и это сделано — карта заговорила. По плану получается, что на бывшем 27 участке стоит дом под номером 31. Старый деревянный дом с мансардой, на который вначале и внимания не обратили. Значит, с выводами потопились...

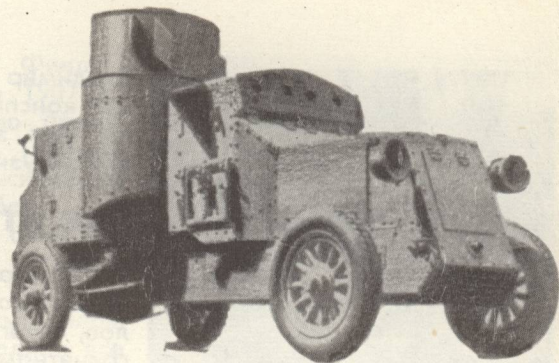
Адреса на письмах и газетах, найденных на чердаке, еще раз убедили нас, что дом этот многие десятилетия значился под номером 27. Нашлось и еще одно удивительное доказательство — гранитный валун напротив «нашего» дома. В 1906 году фотограф-любитель сделал возле него снимок семьи Шлихтера. Такой же живописной группой расположились следопыты у камня и тоже сфотографировались. Придирчиво сравнивали старую и новую фотографии. Очень похоже. Вот как и обычный камень может стать важным доказательством.

Два с лишним года длились поиски. И все еще работа не кончена. Следопытам Ленинградского Дворца пионеров предстоит исследовать материалы, обнаруженные на чердаке.

Но уже сегодня ясно, старый дом на Коммунальной улице под номером 31 имеет историческое значение. Здесь, на конспиративной явке большевиков, жила семья Шлихтера с конца 1905 до начала 1908 года. Они наряду с другими обеспечивали регулярное издание центральных большевистских газет «Пролетарий» и «Вперед».

Это единственное сохранившееся в Выборге здание, связанное с деятельностью В. И. Ленина в годы первой русской революции.

С. РУБАНОВ,
Г. УСЫСКИН

БРОНЕВИК

Однажды, когда пионеры пришли на экскурсию в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина, они с удивлением увидели, что перед зданием нет постаментов из красно-серого гранита. Исчез и стоявший на нем броневики, башня которого была стальной трибуной для вождя Октябрьской революции. С нее Владимир Ильич произнес пламенную речь в апреле 1917 года.

Что же случилось с броневики? Прежде чем рассказать это, хочу напомнить историю бронированной машины, известной сегодня всему миру.

Автомобиль фирмы «Остин» прибыл в Россию из Англии в 1915 году. Броневую «рубашку» для него изготовили на Ижорском заводе. С начала 1917 года «Остин» находился в мастерских Петроградского запасного бронедивизиона.

По договоренности с большевиками старший мастер цеха по ремонту броневики И. М. Лещенков 3 (16) апреля 1917 года вывел из мастерских бронированную машину, чтобы на Финляндском вокзале принять участие во встрече Ленина, возвращавшегося в столицу после почти десятилетнего пребывания за границей.

В пути к боевому автомобилю присоединился второй броневики, и машины, разрезая сгустившуюся темноту светом фар, под тысячеголосое «ура», словно часовые, встали по обеим сторонам павильона, через который должен был пройти Ленин.

И вот Владимир Ильич на площади перед Финляндским вокзалом. Он поднимается на броневики. Стоя в распахнутом пальто на пулеметной башне, Ленин произносит перед многотысячной толпой страстную речь, которую заканчивает словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

В дни Октябрьского вооруженного восстания стальной богатырь охранял штаб революции — Смольный, участвовал в штурме Зимнего дворца. Тогда на башне появились написанные масляной краской слова: «Враг капитала».

Этот автомобиль участвовал в уничтожении

бронепоезда Керенского, а в 1919 году — в сражении против войск Юденича под Пулковом. Потом броневик передавался из отряда в отряд, и след его затерялся.

Много лет велись розыски бронемашин. В поиски включилось много людей. Ветераны помнили приметы исторического броневика: двухбашенный, башни стоят наискосок, двойное рулевое управление, сделанное вручную, щитки у пулеметов...

ВЪЕЗЖАЕТ ВО ДВОРЕЦ

В 1939 году точно такой броневик был найден под Ленинградом на базе Осоавиахима. Специальная комиссия подтвердила: «Да, броневик тот самый». Машина была реставрирована. 22 января 1940 года на торжественном митинге новый памятник у Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина был открыт.

...Время и ленинградская погода не щадили металла. Стало ясно: нужна повторная реставрация. Ее поручили сделать одному из авторемонтных предприятий Ленинграда. Почетный заказ выполнили инженер Л. Н. Соколов, слесарь М. Е. Власов, комсомолец Александр Евстифеев и другие рабочие. За плечами Михаила Егоровича Власова большой жизненный путь. Он с боями прошел всю войну. Сражался под Харьковом, Сталинградом и Одессой. Четверть века трудится на авторемонтном предприятии. За успехи на производстве награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ночью, когда Ленинград спал, броневик осторожно сняли с пьестала и на буксире вывезли с территории музея на улицу...

Разные автомобили доводилось ремонтировать Соколову и Власову. Но разбирать броневик пришлось впервые. Был бы паспорт, чертежи — все бы намного упростилось. А здесь работать приходилось почти вслепую. Все надо было делать с большими предосторожностями.

Разбирать начали с башни. Головки у болтов обламывались, некоторые детали каркаса полностью изъедены ржавчиной, на броне появились трещины. С помощью крана убрали кожухи башен и броневые щиты. Отсоединили мосты, сняли двигатель, коробку передач.

Из Москвы приехал И. М. Лещенков — бывший мастер, который готовил и испытывал броневик перед выходом его в тот исторический рейс. В 1939 году он не участвовал в работе по обследованию найденной машины и сейчас с особым интересом осматривал все детали, советовал, как лучше разобрать тот или иной узел. Ион Михайлович даже в свои 79 лет — страстный автолюбитель. Он изъездил всю страну и утверждает, что помнит детали

любого автомобиля, с которым ему пришлось иметь дело.

Александр Евстифеев — отличный сварщик. Очень аккуратно он заварил несколько трещин на броне. Потом с большими предосторожностями соскреб налет с деревянных спиц и ободьев колес, покрыл их краской. Помогал Саша и чистить двигатель, разбирать коробку передач, сверлить стальные листы, ставить заклепки...

Михаил Егорович Власов придумал специальные съемники для снятия ступиц колес. Фары надо было изготовить заново. Токарь В. П. Александров выточил эти детали довольно сложной конфигурации. А Власов вручную сделал из латуни рефлекторы. Стекла оставили те же. Фары получились — не отличишь от прежних.

На башне броневика была сделана надпись красного цвета — «Враг капитала». А что под ней? Ведь броневик не раз перекрашивался. Обратились за помощью и к экспертам-химикам из Центральной Ленинградской научно-исследовательской криминалистической лаборатории. Снять затвердевшую за многие годы краску не удавалось ни спиртом, ни ацетоном, ни эфиром. Пришлось в нескольких местах пропитать верхний слой краски специальным растворителем и осторожно соскоблить его скальпелем. Потом со следующим слоем повторяли ту же операцию. Так было снято десять слоев краски. И вот на последнем, темно-салатном, ясно проступила еще одна надпись:

ВРАГ КАПИТАЛА

Чтобы спасти от дальнейшего разрушения башню, кузов, раму и стальные листы, их покрыли свинцовым суриком, а затем двумя слоями масляной краски на олифе, которую специально изготовило объединение «Лакокраска».

Броневик решено было поставить внутри музея. Но в двери он не пролезал. Сделали настил и на специальных салазках экспонат завезли в музей по частям. Для сборки там пришлось монтировать специальный подъемный кран.

В канун 55-й годовщины Великого Октября историческая машина встала на новую стоянку в отдельном зале Мраморного дворца Ленинградского филиала Музея В. И. Ленина. Осмотр экспозиции экскурсанты, как и прежде, начинают с ленинского броневика...

С. МАРАКУЛИН

УТРО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

15 лет тому назад, 12 апреля 1961 года, в космос полетел первый человек на Земле — летчик-космонавт Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин.

Ясное утро 12 апреля 1961 года. Солнце едва показалось за далеким горизонтом, но лучи его уже теплые, ласковые. А лица людей освещены волнением.

Автобус доставил нас к подножию ракеты. Через несколько минут Гагарин займет место в кабине корабля.

— Дорогие друзья, близкие и знакомые! — обратился Юрий Гагарин к провожающим. — Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом! Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...

— Все, что прожито, — продолжал он, — что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты... В голосе Юрия торжественность и волнение.

Улетел не я (я был запасным — дублером, как стали говорить после), но мне казалось, что слова моего друга, которому выпала честь лететь первым, исходили из моего сердца. Ведь и я думал об ответственности перед советским народом, перед человечеством, перед его настоящим и будущим.

...Он вошел в лифт, который доставил его на площадку, расположенную у входа в корабль. Юрий поднял руку, еще раз попрощался:

— До скорой встречи! — и скрылся в кабине.

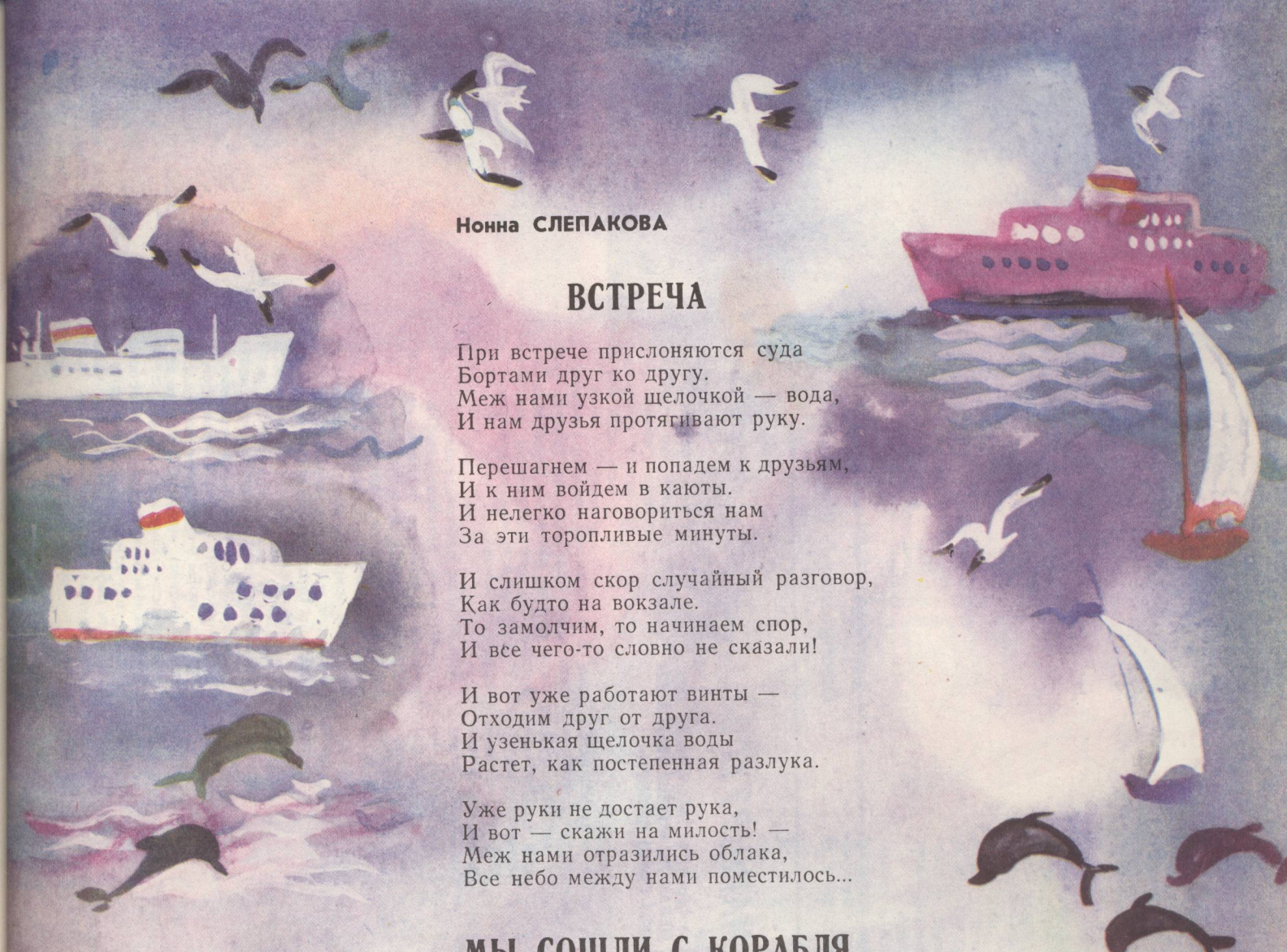
...Ракета, чуть качнувшись, стала медленно уплывать вверх. Счастливого полета, дружище!

Можно смело сказать, что после 12 апреля 1961 года, дня, который люди всей Земли назвали Утром Космической Эры, на планете не было другого человека, который пользовался бы такой любовью не только своего народа, но и народов всего мира. Имя Юрия Гагарина навсегда вошло в века. Оно знаменует собой начало новой эры — эры освоения человеком космического пространства. Подвиг его олицетворяет все лучшее, что создано человеческим разумом с древних времен до наших дней, подвиг этот, как принято говорить, вписан в историю золотыми буквами, но мне думается, что даже этот благородный металл не в полной мере отражает его величие.

(Из повести Германа ТИТОВА
«Голубая моя планета»)

Москва, 12 апреля 1961 года, 12 часов 30 минут

Нонна СЛЕПАКОВА

ВСТРЕЧА

При встрече прислоняются суда
Бортами друг ко другу.
Меж нами узкой щелочкой — вода,
И нам друзья протягивают руку.

Перешагнем — и попадем к друзьям,
И к ним войдем в каюты.
И нелегко наговориться нам
За эти торопливые минуты.

И слишком скор случайный разговор,
Как будто на вокзале.
То замолчим, то начинаем спор,
И все чего-то словно не сказали!

И вот уже работают винты —
Отходим друг от друга.
И узенькая щелочка воды
Растет, как постепенная разлука.

Уже руки не достает рука,
И вот — скажи на милость! —
Меж нами отразились облака,
Все небо между нами поместилось...

МЫ СОШЛИ С КОРАБЛЯ

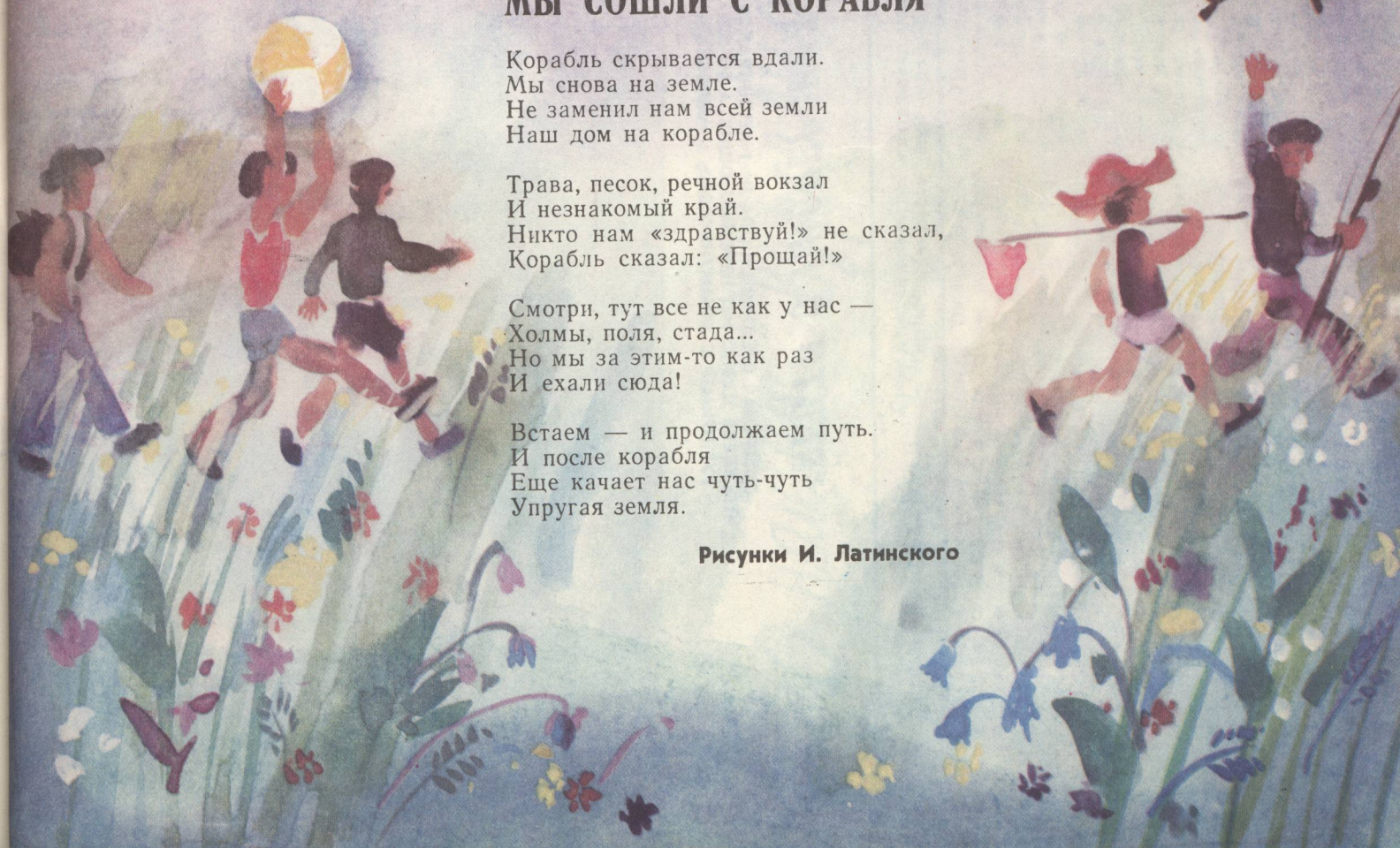
Корабль скрывается вдаль.
Мы снова на земле.
Не заменил нам всей земли
Наш дом на корабле.

Трава, песок, речной вокзал
И незнакомый край.
Никто нам «здравствуй!» не сказал,
Корабль сказал: «Прощай!»

Смотри, тут все не как у нас —
Холмы, поля, стада...
Но мы за этим-то как раз
И ехали сюда!

Встаем — и продолжаем путь.
И после корабля
Еще качает нас чуть-чуть
Упругая земля.

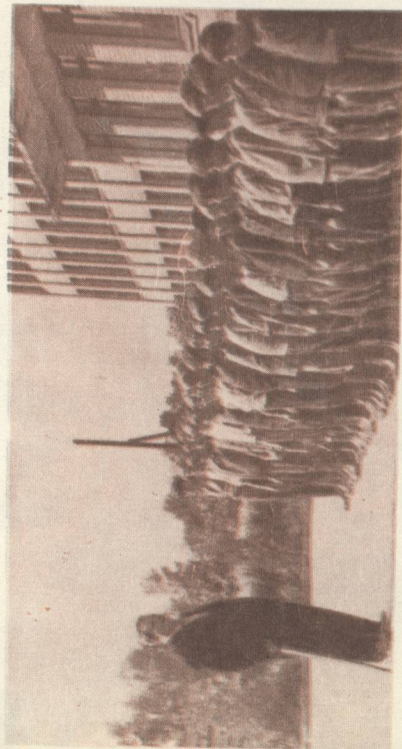
Рисунки И. Латинского

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

СИВЕРСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 1 ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ЗНАМЕНИТА ТЕМ, ЧТО ЗДЕСЬ ДАВНО НЕТ НЕУСПЕВАЮЩИХ, А ВО ВСЕХ ДЕЛАХ НА МАРШЕ РЕБЯТА БЕРУТ ПРИМЕР С КОММУНИСТОВ.

РАССКАЗЫВАЮТ САМИ ПИОНЕРЫ.

К работе готовы! Александр Александрович дает последние наставления юным натуралистам перед весенним севом на пришкольном участке

[illegible]

Саша Одинцов, семиклассник:

— Мой любимый предмет — биология. Нужный для нас предмет: ведь мы живем в селе и собираемся здесь после школы работать. И еще потому любимый этот предмет, что преподает его Александр Александрович Александров. Я таких людей как он, еще никогда не встречал. На Сапун-горе, в войну, он стал инвалидом, ему оторвало ногу, но он не упал духом. Александр Александрович закончил два института. Он всегда в курсе научных событий, он все знает и умеет объяснить. Он самый добрый, кого я знаю. По-моему, он как Павка Корчагин или Маресьев. Мы очень уважаем Александра Александровича и счастливы быть его учениками.

Маша Патрикеева, шестиклассница:

— Зимой работы не меньше, чем летом. Наша школьная бригада работает круглый год. Старшие ребята учатся водить трактора и машины. Пioneры помогают в совхозе, там работы всегда много.

В школе юннатам тоже хватает

дел. В специальной комнате у нас размещено более ста сортов цветов и редких растений. Они требуют ежедневного ухода.

У октабрыят в живом уголке три черепахи и ежик.

Ира Мохова, пятиклассница:

— Мы учим октябрь любить природу. В кабинете биологии на стенде есть выписка из постановления Совнаркома, подписанное еще В. И. Лениным. Постановление об охране природы. Об этом знают у нас все в школе знают. Октябрь мы готовим себе на смену для работы в саду.

Галя Молодцова, семиклассница:

— В конце лета и осенью мы собираем семена. Это не только для того, чтобы у себя на участке посеять обновить, но и чтобы помочь развести такие же растения в Никольском и в Рождестве...

В этом году к нам за семенами приезжали ребята из Латвии. У нас старая дружба. Они нам недавно тринадцать сортов гладиолусов прислали. Снег сойдет, посеем их. Будет грядка дружбы!

Кто сказал, что цветы любят одни девочки? В Сиверской школе цветы выращают и мальчики. Особенно этим увлекаются шестиклассники Толя Захаров и Слава Мамаев.

ЖИВИ КНИГА

В кабинете английского языка все книги были старые и разорванные. Учительница попросила нас подклеить их.

Мы неуверенно взяли за дело, но все получилось хорошо. Ведь старались всем отрядом. Клеили, подшивали, разглаживали уголки страниц. Книжки стали как новые! Ребята, у кого свои книжки на английском языке были, принесли их в подарок. Библиотека выросла. Теперь можно взять домой и не спеша почитать разные книжки. Учительница Галина Васильевна сказала, что по ним все мы скоро станем заниматься.

Вадим Невякин,
7-й класс, 93-я школа,
Ленинград

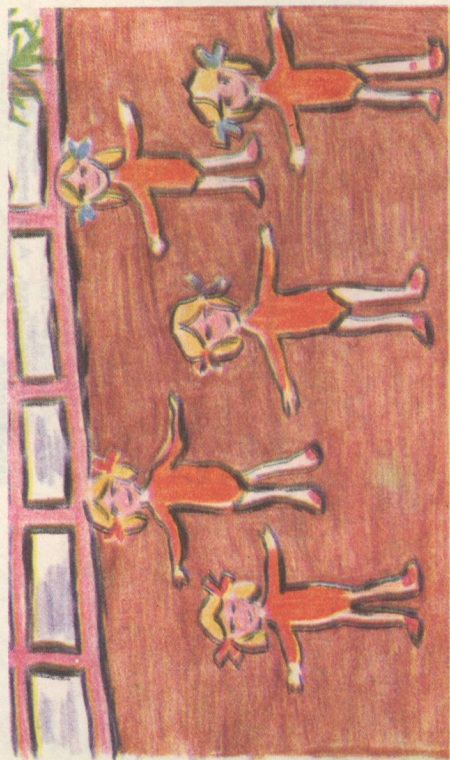
Мы каждую неделю «чиним» книжки. Раньше они были вроде бы ничьи — библиотечные! Мы поняли, что их надо сильнее беречь потому, что их многие читают. Многим от них польза!

В этом году мы «починили» всего 39 книжек. Ответственный за ремонт книжек Сережа Королев пришел к выводу, что читать стали больше и с книгами обращаться лучше.

Света Станченко,
6-й «а» класс,
Ленинградская обл.,
станция Сиверская

ЮНЫЕ ГИМНАСТКИ

Лека Ворожейкина, город Уралск

Анвар Равилов, 6-й класс, город Казань

О наших взрослых

Д о войны в нашем селе бригадиром в колхозе был Георгий Николаевич Чернов. В 1941 году пошел на фронт. В 1942 году демобилизован по ранению. Дома стал работать учителем военного дела в школе. Многие жители нашего города его помнят. А те, кто у него учился, приходят к нам на сборы рассказать о своем учителе...

Все время хотелось Георгию Николаевичу вернуться на фронт. Много раз медицинская комиссия не пропускала его. Но все-таки он добился своего, снова встал в строй.

...Стоит у нашей школы памятник Герою Советского Союза Георгию Николаевичу Чернову. Он храбро воевал за Родину. Мы никогда не забудем своего земляка. Мы собрали металлолом для поезда, который носит его имя.

Наташа Максимова,
5-й класс, школа № 3,
город Новоалтайск

Моя мама — коммунист. Ее приняли в партию шесть лет назад, в прошлом году избрали секретарем партийной организации. Мама работает воспитателем в общежитии. Она очень требо-

вательная, даже строгая. За три года работы мамой наградили Почетной грамотой и значком «Ударник коммунистического труда».

Мама часто рассказывает мне о комсомоле, помогает разобраться в трудных вопросах. Я считаю, что у нас вся семья партийная: папа, мама — коммунисты, я — пионерка, скоро стану комсомолкой, мечтаю в будущем стать членом КПСС. По-моему, самые честные, преданные Родине люди — коммунисты. И я хочу вырасти такой!

Таня Смирнова,
7-й класс, Ленинградская обл.,
город Волхов

Повзрослевший К
роветни К

Я переписываюсь с девочкой из Болгарии. Она моя сверстница, шестиклассница. Ее зовут Мая. Она живет в селе Звездец недалеко от города Бургаса. Весной в садах цветут яблоны, груши, абрикосы, а когда выйдешь на улицу, то кажется, что ты попал в красивую сказку, так пишет мне Мая. Она много рассказывает мне о болгарских пионерах. У болгарских ребят тоже самые большие праздники 7 ноября и 1 мая. Они очень любят стихи советских поэтов, наши песни... А вот оценки в школе у них ставят по-другому: самая высшая оценка — шестерка, самая плохая — тройка.

Инна Шевченко,
6-й класс,
город Таганрог

ПОДРУЖИЛИ КУКЛЫ

В кружке «Умелые руки» мы учились шить. А чтобы работа эта была интересней, мы шьем национальные костюмы на куклы. У нас целый музей получился — «Костюмы народов СССР».

Однажды к нам приехали гости из Болгарии. Им очень понравился музей. А через некоторое время пришла посылка из Пловдива. Мы ее открыли, а там куклы в болгарских костюмах.

А в Болгарии в пловдивской школе есть наш ответный подарок: куклы в русской и татарской одежде. С болгарскими ребятами мы теперь вместе изучаем искусство наших стран.

Миляуша Валлиулина,
5-й класс, 96-я школа,
город Казань

Нам пишут,

[Смотри «Барабан» № 10 за 1975 год]

...Как это поменять имя героя? Да же представить трудно.

Таня Новикова,
5-й класс,
Иркутская обл., поселок Медвежье

...Имя героя надо заслужить, надо добиться такой чести — носить имя героя. А не так просто: захотели — взяли имя этого героя, передумали — взяли другое.

И ничего не значит, если нет портрета. Главное — всегда помнить и чтить человека.

Люда Платонова,
7-й класс, город Тайга

Мы сравнили два письма о Наде Курченко. Нам понравилось первое письмо, а вот про второе... можно сказать, что оно предательское. За чем нужно менять имя героя? Нет, мы этого не допустили бы.

Вавилова И.,
Александрова З.,
6-й класс, город Горький

Мы в отряде считаем, что уж если кто-нибудь решит изменить имя героя, то пусть об этом не пишет, потому что может обидеть близких героя...

Гуля Пайсекова,
6-й класс,
Восточно-Казахстанская обл., поселок Канайка

МОЙ ДРУГ

Случилось это 10 октября в 4 часа дня. Мы с Леной Непокрытых бродили по берегу, у нас с ним выработалась такая привычка, если нужно о чем-то серьезно подумать, мы идем к берегу Ангары. Подошли мы к заливу, сели на травку, и тут Лена вскочил и побежал. Ничего не понимая, я тоже вскочил и увидел, что Лена плывет к тонущему мальчику. Он подплыл к нему, взял за волосы и поплыл к берегу. Я подал ему длинный шест, лежавший на берегу, и вытащил их. Юра — так звали мальчика — был без сознания, видно было, что его свело судорогой. Лена остался с ним на берегу, а меня отправил за врачом. Минут через семь приехал врач и Юре оказали помощь. Лене врач тоже дал какое-то лекарство, так как его всего трясло.

Сергей Попов,
Иркутская обл.,
Усть-Удинский район,
село Малышевка

О К Р У
БОЛЫВОГО
БАРАБАНА

Давать списывать
или не давать?

[Смотри «Вокруг Большого Барабана»
№ 10, 1975 г.]

Я тоже не даю списывать, но не могу сказать, что в классе меня не любят.

Ребята знают мой ответ: «Списывать не дам, объяснить — пожалуйста!»

Оля Кротова,
город Ликино-Дулево

Света, ты правильно делаешь, что не даешь списывать. Подсказывать — «медвежья услуга». Наш класс дружный и отзывчивый! Мы сдружились, потому что все вместе помогаем одному отстающему.

Наида Абдуллаева,
5-й класс,
город Хасавюрт

Дружба

Дружба — солнце в небе,
Дружба каждый рад.
Нам она поможет
В зной и снегопад.

Лена Першанина,
7-й класс,
Челябинская область

Давать списывать не надо. Лучше стараться объяснить товарищам непонятное. Постепенно отношения налаживаются.

Лариса Горбатова,
5-й класс,
город Куйбышев

Иногда помочь совсем просто. Особенно, если устный предмет. Ведь не трудно вместе отыскать нужный материал в учебнике. А давать списывать вредно.

Сания Х.,
Удмуртская АССР

Дорогие барабанишки! Очень люблю смеяться и хочу, чтоб вы тоже посмеялись. У нас в классе что-нибудь такое произошло. Один ученик написал в сочинении: «Он был человеком с бес-кой головой». А еще как-то на

брании обсуждали длинные во-сы и вынесли письменное реше-ние: «Сделать покороче головы». Ирина Дронов, Краснодарский край, станция Красноармейская

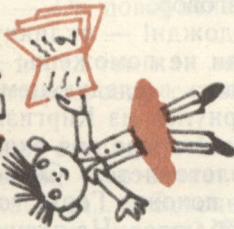

Мальчик говорит маме:
— Мама, купи мне жи-вотные санки.
— Какие-какие?
— Животные. Ну, чтоб на животе ездить.

Лена Прожого
из Запорожья

ШУБЕСА
РЕШЕТЕ

Нарядили
ПАЛОЧКИН

Учитель сказал:

— Ребята, пишите сочинение на тему «Футбольный матч». Палочкин открыл тетрадь и напи-сал: «Шел проливной дождь. Матч отменили».

Дома надо было написать свою ав-тобиографию. Саша забыл это сде-лать. На уроке попросил тетрадку у Светы и все списал. Учительница со-брала тетради и стала читать вслух. В Сашиней тетради она прочла: «Меня зовут Света...»

Вася Татауров,
город Свердловск

Good
Полетел мой самолет

У Пети есть сестра Лена, ей пять лет. Однажды Петя съел свою конфе-ту и захотел еще. Он отнял конфету у сестры. Лена пожаловалась маме. Тогда Петя соврал: «Ленка мою кон-фету съела!»

Мама опять дала им по конфете. Положил Петя свою конфету на стол, а Лена схватила ее, закинула в рот и кричит: «Мама, а Петька мою кон-фету съел!»

Яша Гудзь,
Азербайджан,
поселок Аляты

Удивительные приключения Тети, Талочки и Жора

В КОСМИЧЕСКОМ ТРАМВАЕ	В ТРАВМАЕ КОМЕТА ВРЕЗДАЕТСЯ	СРЕДИ ОБЛОМКОВ ПЛАВАЮТ НАШИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ	СЧАСТЛИВЫЙ КОРАБЛЬ? ТАКА ЧЕРЕН И ОДИН ВЕНА ЧТО-ТО НЕ ПОХОЖЕ!
КОСМИЧЕСКИЕ ПИРАТЫ РЕБЯТ В РАКЕТУ	НЕИЗВЕСТНОЕ ПЛАНЕТА	ОТ ГОЛОДА У ПЕТИ ЗАБОЛЕЛ ЖИВОТ	ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ ЧТО ЭТО ТАМ ПОДМИГивАЕТ?

Любит Вера одеваться, Обожают брюки клеш, А как надо заниматься, Так учитель нехорош!

Пост тимуровский подружкам Доверяют на беду: Помогать придут старушкам — Налегают на еду!

Таня Лукина,
7-й класс,
Ростовская обл., ст.
Песчаный

ОПЕРАЦИЯ „ТЮБЕТЕЙКА“

РАССКАЗ

Витауте ЖИЛИНСКАЙТЕ

Рисунки Ю. Шабанова

За совет Дотас просит марку. Одну почтовую марку. Деньги? Нет-нет! От денег он отказывается наотрез. Было дело, брал по пять копеек. Но об этом узнали дома... и с тех пор он берет только марки.

Слух о Дотасе из третьего «в» давно уже распространился по школе. А уж после того случая...

Но все по порядку.

Весна была в самом разгаре. Белые ситцевые занавески не могли преградить путь солнечным лучам, и они через большие окна заливали класс ослепительным светом. Разве станешь унывать или грустить в такой денек? Кажется, в самом воздухе носится запах близких летних каникул. Солнечное, весеннее настроение в классе. Ни одного хмурого лица.

Вот только Андрюс был явно озабочен. На переменах топтался он возле классного мудреца, чувствовалось — хочет о чем-то спросить. Но Дотас не обращал на него внимания — набивал себе цену. И только после уроков, когда

Андрюс догнал Дотаса на улице, состоялся их исторический разговор.

— Дотас! Подожди! — окликнул Андрюс приятеля. — Если не поможешь — я пропал.

Дело заключалось в следующем. Папа Андрюса недавно вернулся из Киргизии. Туда, если поездом, целых четыре дня ехать надо! Он, правда, на самолете летел. Совсем, говорит, там на Литву не похоже. Горы, горы, горы — как караваны верблюдов. На вершинах — снег. А между гор — долины. Зеленая трава и яркие красные маки. Но не это главное. Привез папа из Киргизии такую шапочку — черную, четырехугольную, расшитую белым шелком. Называется — тубетейка. Привез, показал и положил в шкаф. Там уже лежали сомбреро — широкая соломенная шляпа из Аргентины, и сванка — белая войлочная шапочка с Кавказа. «Это будет наша семейная коллекция, — сказал папа. — Национальные головные уборы».

Вчера, в воскресенье, Андрюс без спросу взял эту тубетейку. Пофорсить перед ребята-

ми захотелось. Правда, великовата она ему была, никак на затылке не держалась, все на нос сползала. Короче говоря, отправился Андриус на берег Вильняле. Наклонился над водой, а тюбетейка — плюх! — и...

— Ясно, — сказал Дотас.

— Ты же знаешь, какое у Вильняле течение. Прямо как у горной реки, — шмыгая носом и еле сдерживая слезы, пожаловался Андриус.

— Еще бы! Сам видел, как тащила Вильняле пса. Еле выбрался, бедняга.

— Хотел я тюбетейку догнать. Она плывет, а я по берегу, следом. Изю всех сил бежал! Но у моста — знаешь? — как закружит ее водоворот... и все. Ушла на дно.

— А дома, конечно, ничего еще не знают, — то ли спрашивает, то ли утверждает Дотас.

— Надоедал бы я тебе, если бы они уже знали, — всхлипывает Андриус. Вспомнив о чем-то, лезет в карман и вытаскивает оттуда марку с зеброй и шоколадную конфету в серебряной бумажке. Марка мятая, а конфета от долгого хранения в кармане стала похожа на лепешку. Он сует все это Дотасу.

Дотас долго рассматривает марку и возвращает ее назад.

— Бракованная.

— А я и не знал, — смущенно бормочет Андриус. — Я тебе другую принесу. Целую серию, с пауками!

Дотас степенно кивает и, разжевывая конфету, сосредоточенно думает.

— Так... — произносит он наконец. — Тюбетейка. Тебетейка, мене-тейка, себе-тейка. Не робей-ка! — начинает он мурлыкать себе под нос. А всем известно: раз Дотас запел, значит, мозг его работает как у Шерлока Холмса.

Андриус — весь внимание.

— Значит, так: спросишь у отца, какая в Киргизии столица. Во-вторых, узнаешь, сколько там школ. Только чтобы он ничего не заподозрил! И все.

— И все? — разочарованно тянет Андриус.

— Все! «В-третьих» будет потом, — хитро поглядывает Дотас на приятеля. — Узнаешь и скажешь мне. Точка. И не забудь про марки с пауками. — Он поворачивается и бежит домой.

Вечером, перед тем как лечь в постель, Андриус заводит разговор с папой. Начинает издалека.

— А какая столица в Португалии?

— Лиссабон, — отвечает папа.

— Вот как?! А... в Эстонии?

— Разве ты не знаешь? Таллин.

— Правильно, Таллин! Я и забыл. А в Киргизии?

— В Киргизии — Фрунзе.

— Фрунзе, Фрунзе, Фрунзе, — шепчет Андриус, чтобы лучше запомнить. — Пап, а пап! Как ты думаешь, сколько в этом Лисьем боне школ?

— В каком еще Лисьем боне? В Лиссабоне? Наверное, много.

— А во Фрунзе?

— Тоже немало.

— Штук тридцать наберется?

— Наверное. В Киргизии много малышей.

— Значит, тридцать школ. И классы там, как у нас — «а», «б», «в»?

— Конечно. Может быть, даже «г» и «д» есть.

— Здорово!

— Это хорошее дело, что ты дальними краями интересуешься, — похвалил Андриуса папа. — Ты всегда у меня спрашивай, если что неясно. Я с удовольствием расскажу.

— Ага. Ладно, — отвечает Андриус, укладываясь поудобнее и натягивая одеяло. — Фрунзе. Фрунзе... Фрун-зе... — шепчет он, засыпая.

— Не меньше тридцати, — задумчиво повторяет Дотас, выслушав на первой же перемене отчет Андриуса. Он не торопится давать совет. И вообще неясно — имеет ли он какие-нибудь соображения по этому поводу. Затем вдруг спрашивает:

— Ты какой по счету в классном журнале?

— Пятнадцатый.

— Пятнадцатый. ...Это хорошо... — бормочет он. — Вот что: напишешь письмо во Фрунзе. В третий «в», пятнадцатому по счету ученику!

— Ну, напишу. И что?

— Пошлешь сувенир какой-нибудь. Открытку, значок. И попросишь тюбетейку!

До чего же хитро и просто! Проще и быть не может. И как это ему самому не пришло в голову?

— До чего же здорово придумал! — спешит Андриус похвалить советчика.

— Напишешь не одно письмо, — многозначительным тоном произносит Дотас. — Напишешь в каждую из тридцати школ. По такому адресу: Киргизия, город Фрунзе, школа № 1, № 2 и так далее. Ученику 3 класса «в», пятнадцатому в классном журнале... И знаешь, пожалуй, не только «в», но и «а», и «б», и «г», во все третьи классы!

— Это сколько же будет писем?

— Писем?.. Тридцать школ, по четыре класса... М-м... Сто двадцать! Уж это наверняка будет. Один из ста двадцати обязательно прийдет!

— Спасибо тебе!

— Не за что. — И Дотас, победно напевая, идет домой. Вдруг он оборачивается. — Андриус! Если прийдут две — одна тебе, другая мне!

— Конечно!

И закипела работа. Андриус распотрошил всю свою коллекцию значков, приклеил к конвертам все марки из альбома. Шутка сказать: сто двадцать писем! Он за всю свою жизнь столько не написал...

«Здравствуй, незнакомый друг! Я еще не знаю твоей фамилии. Но ты, как и я, стоишь пятнадцатым в классном журнале, поэтому я и пишу тебе. Со мной случилась беда. Папа

мой был в Киргизии и привез оттуда сувенир — такую черную, вышитую белым тюбетейку. Но я ее нечаянно в речку уронил. Папа еще не знает, но когда узнает, будет плохо. Если можешь, спаси меня — пришли тюбетейку. И давай всегда переписываться. Шлю тебе сувенир — значок моего родного города Вильнюса. Пиши мне в школу, чтобы дома не узнали. На этом кончаю. Всего хорошего.

Андрюс».

— Слишком много «но», — поругал его Дотас, когда Андрюс показал письмо, и посоветовал написать в конце еще одну фразу: «Вам шлет привет представитель литовской молодежи Дотас, которому очень приятно было бы с вами познакомиться».

Андрюс вздохнул и приписал. Сто двадцать раз...

Прошла неделя, прошла вторая. Папа уехал в командировку, так и не хватившись тюбетейки. Андрюс жил в тревожном ожидании. И наконец, в один из майских дней учительница вдруг сказала:

— Андрюс, зайди в учительскую. Там для тебя бандероль.

С колотящимся сердцем помчался Андрюс в учительскую. На длинном столе лежал пакет, завернутый в розовую бумагу. Взял его Андрюс, вышел в коридор, дрожащими руками ра-

зорвал бумагу — тюбетейка! Точно такая, как привез папа — черная, четырехугольная, белым шелком вышитая. Какое счастье! А в тюбетейку вложено письмо:

«Дорогой Андрюс! Я очень рад твоему письму! Спасибо за значок. Сразу купил тюбетейку, какую ты просил, и дарю ее тебе. Я давно мечтал иметь друга в какой-нибудь другой республике и очень рад, что мы теперь будем переписываться. Мама говорит, что в Литве нет гор, что у вас не пьют кумыса — кобыльего молока. А кумыс очень вкусный. Я его люблю. А еще я собираю бабочек, у меня их уже много. Если можно, поймай для меня литовскую бабочку. Напиши мне больше о себе и своих друзьях, о вашем классе и твоей республике. Я тоже напишу. Привет Дотасу!

С уважением. Асан».

Вернувшись в класс, Андрюс встретился глазами с Дотасом. приятели подмигнули друг другу.

На другой день учительница снова сказала Андрюсу:

— Тебе бандероли.

Андрюс опять очутился перед длинным столом учительской. О... о! На этот раз целых четыре. Он даже не стал разворачивать их. И так было ясно, что внутри. Андрюс сгреб бандероли со стола и — в класс. Одну тюбетейку, как было договорено, он отдаст мудрому «предста-

вителю молодежи», другую оставит себе. А третью и четвертую?.. Ну, там будет видно.

После уроков, в раздевалке, Дотас примерил тюбетейку.

— Великовата, — буркнул он, — но сойдет. «Хоть бы спасибо сказал!» — обиженно подумал Андриус.

Но когда на следующее утро учительница опять велела Андриусу зайти за бандеролями, в ее голосе послышалось недоумение.

И Андриус был смущен. Нехотя отправился он в учительскую. Весь стол был завален бандеролями. Целая гора бандеролей! Может, пятьдесят, а может, и еще больше... Как он их донесет? Что с ними делать? В замешательстве Андриус долго не мог собрать в охапку всю кучу. А кто виноват? Все это из-за мудреца Дотаса! Ведь говорил ему: хватит и одного письма. А он — нет!..

В классе Андриус сидел тише воды, ниже травы. А уж в сторону Дотаса даже не смотрел.

На следующий день Андриуса разыскал сам директор школы.

— Что все это значит? Может быть, объяснишь? Или придется вызывать родителей?

Гора бандеролей на столе в учительской не уменьшалась. Андриус в ужасе покосился на пакеты и прошептал:

— Я... объясню... потом... — На глазах у него выступили слезы.

Дома он распечатал одну из бандеролей. Увидел тюбетейку. Ох и нарядная! Голубым шелком по бархату вышита. И там же письмо.

«Дорогой Андриус! Какое у тебя непривычное, но красивое имя. Мне весь класс завидовал, ведь я в журнале пятнадцатая и мне досталось письмо из Литвы. Узнала я, что тебе нужна тюбетейка, и огорчилась. У меня не было денег, чтобы сразу купить и послать. И у мамы денег просить нельзя. Нас ведь девять братьев и сестер. Маме нелегко с нами. Но я попросила у тети бархата и ниток, потом мне еще подружки помогали из нашего класса, и сестры. Они тебе привет шлют. Понравилась ли наша тюбетейка? С радостью дарю ее тебе, Андриус. Мои бабушка и дедушка живут на берегу большого-большого озера Иссык-Куль. Оно очень красивое. Когда подрастешь, приезжай. Сам увидишь. Буду ждать твоего ответа. Мне хочется дружить с тобой. Всего тебе хорошего. Айгюль».

Читая письмо, Андриус чувствовал, как от стыда у него краснеют щеки. Ночью он снова вспомнил Айгюль и заплакал. Долго плакал. Утром все лицо у него распухло. В этот день на столе в учительской лежали только три пакета. Поток иссяк. Назавтра пришло лишь одно маленькое письмецо, без тюбетейки.

«Дорогой друг Андриус, — писал мальчик по имени Тологен, — прости, что не шлю тюбетейку. Мне очень неловко, но я не виноват. Обошел все магазины — тюбетеек нет. Говорят — были, но их раскупили. Ты не волнуйся, как только появятся, я обязательно пришлю. Я хочу с тобой дружить. Пока шлю открытку с го-

рами Ала-Тоо. Если можешь, пришли открытки с видами Литвы, особенно — моря. Я смотрел на карте — Литва около моря, а я никогда моря не видел. Честное пионерское, я искал тюбетейку! Не обижайся».

Письмо Андриус читал в классе, на большой перемене. А тут пришла дежурная и сказала, что его вызывает директор.

Очень неловко чувствовал себя Андриус. Потом вдруг решился и все без утайки рассказал.

— Зачем же ты сто двадцать писем писал? — строго спросил директор. — Разве недостаточно было одного?

— А мне так Дотас посоветовал, — выдал товарища Андриус. Он не был ябедой, но раз Дотас так его подвел, пусть все знают, какой он советчик. — Я и хотел одно написать, а он говорит: обязательно надо сто двадцать! Три дня писал, даже пальцы заболели.

«Ну, теперь Дотасу достанется! — подумал Андриус. — Так ему и надо!»

Но директор только засмеялся:

— Мало ли что он посоветует! У тебя что, своей головы нет? Ведь ты же на целую голову выше Дотаса.

В конце последнего урока учительница хитро посмотрела на Дотаса и сказала:

— Ну, великий советчик, что же теперь подскажет нам твоя мудрость? Знаешь, о чем речь?

— Знаю... — протянул Дотас, не очень смущившись.

— И что же ты посоветуешь?

Дотас уставился в окно. Ему была видна желтая дорога. По ней бежал поезд с маленькими зелеными вагонами. Словно игрушечный...

Весь класс давно был в курсе дела, и поэтому ребята не сводили глаз с Дотаса. Как он на этот раз выкрутится?

— Я бы посоветовал, — солидно начал Дотас, — я посоветовал бы... раздать письма и тюбетейки всем, кто хочет переписываться и дружить с киргизскими ребятами! Вот мой совет.

— Молодец! — похвалила учительница.

Все захлопали от радости. «Ведь такой простой выход, — подумал Андриус. — Проще простого, яснее ясного! Раздать ребятам письма и тюбетейки и пусть отвечают, дружат, сувенирами обмениваются».

Сердиться на Дотаса не стоило. Дел было много: притащили в класс бандероли, раздали всем — не только своим ребятам. Из «а» и «б» тоже хотели переписываться и дружить. Себе Андриус оставил письма Асана и Айгюль. Это будут его друзья...

Теперь их класс мечтает поехать к горам Ала-Тоо, к озеру Иссык-Куль. И, наверное, поедет, пусть не этим летом, следующим, но поедет! И Дотас так советует...

Перевод с литовского
Б. ЗАЛЕССКОЙ и Г. ГЕРАСИМОВА

Владимир СТРУГАЦКИЙ

Рисунок
В. Цикоты

Только на пятом часу полета мы оказались над местом, где предстояло совершить посадку. На карте начальника отряда «Океан» Леонида Тигунцева весь этот мир льдов, торосов и тишины — всего лишь маленькая точка под номером 48...

Вот уже третий год проводится небывалый за всю историю освоения Арктики эксперимент — съемка Арктического бассейна.

О чем расскажет эта карта? Ученые будут располагать более точными данными о том, как путешествуют льды по океану. А от ледовых условий зависит успех плавания на Северном морском пути, морской дороге, по которой суда доставляют грузы в Сибирь, на Дальний Восток, в Якутию.

На карте океана ученые выбрали 180 точек, с которых ведутся исследования. Одна от другой — на расстоянии 150—

САДИМСЯ

РЕПОРТАЖ

300 километров. 180 точек посреди океана, прямо на льдинах.

...Самолет пошел на второй круг над ледяным полем. Командир ЛИ-2 Александр Евдокимов спросил:

— Ну, что, попробуем?

Тигунцев соскреб со стекла снежную изморозь и вновь глянул вниз:

— Вроде, подходящая льдинка.

И тогда командир подался вперед, грузный и большой, он налег грудью на штурвал, почти прислонился лбом к стеклу кабины. Мы сделали последний круг и от самого края льдины рванулись вперед, все ниже и ниже приныкая ко льдам. Выпущены шасси.

— Всем держаться! — командует бортмеханик.

Через несколько секунд от удара лыж о снежный наст вздрогнет ЛИ-2 и понесется по ровному ледяному полю, где никогда не ступал человек.

Евдокимов напряженно смотрел вниз и вдруг отпрянул назад. И мы услышали резкое, разрезающее шум моторов:

— Взлет!

Но прежде чем, задрав нос, ЛИ-2 стал уходить вверх, мы увидели впереди голубую глыбу льда, перегородившую нашу посадочную полосу. Она выросла в том самом месте, где ЛИ-2 должен был коснуться снежного наста. Снег чуть припорошил ее, замаскировал, чтоб мы ее не заметили. И только в самый последний момент Евдокимов увел машину на высоту. Катастрофы не произошло.

Мне рассказывали, что Евдокимов первым стал садиться на льдины на мощных турбовинтовых самолетах. Кому-то надо было решиться. И решился он.

— Это летчик, у которого случайностей не случается, — говорили пилоты.

...Сейчас он сидел за штур-

НА ЛЕД

С СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

валом, и казалось, пару минут назад ничего не произошло, казалось, наш самолет и не пытался идти на посадку, а все парил и парил в этом спокойном небе.

— Противная льдинка попала, — сказал Тигунцев Евдокимову. — Поищем что-нибудь рядышком?

Пилот кивнул и опять пригнулся к штурвалу, глядя вниз на гладкие с высоты, как белый лист бумаги, огромные ледяные пространства.

Через двадцать минут мы снова шли на посадку.

— Эта льдина будет сантиметров шестьдесят толщиной, — сказал Тигунцев, — подходящая.

По еле заметным признакам, по тому, какого цвета и оттенка лед, как выглядят торосы, определяют летчики и гидрологи толщину льда. Говорят, это искусство. Это искусство и наука, строгая наука, требующая от человека знаний Арктики,

знаний ее законов, ее капризов. Толщина льда должна быть не меньше 45 сантиметров. Иначе—самолет провалится. Только люди наблюдательные, терпеливые и опытные способны сделать правильный выбор, способны избежать тех коварных случайностей, любая из которых может оказаться в жизни человека последней.

Евдокимов нажал кнопку, прозвучала резкая сирена. Бортмеханик Георгий Новосельцев приготовил дымовую шашку. Вторая сирена. Шашка летит вниз, оставляя за собой длинный шлейф. Желтоватый дым подсказал, в какую сторону дует ветер. Нам надо садиться против ветра: ветер гасит скорость, и значит, меньшей длины нужна посадочная полоса.

У Евдокимова нет лишних секунд на то, чтобы следить за приборами. Он только слышит голос бортмеханика:

— Высота — 100 метров,

скорость — 200 километров. Высота — 50, скорость — 140.

Толчок. Самолет коснулся лыжами снежного наста, заскользил по льду, сбавляя скорость.

Штурман Валерий Палей по пояс высунулся из открытой дверцы и посмотрел, как лыжи плывут по снегу, оставляя ровный след. Если окажется, что позади лыж выступает вода, значит, тонок лед, надо снова взлетать.

— След? — спросил командир.

— Сухо! — крикнул штурман.

Через несколько минут мы уже выгружали из самолета ящики с приборами и тяжелую лебедку. Океанологи Леонид Тигунцев, Владимир Волков и Борис Щекин возьмут пробы воды, измерят глубину океана.

А потом мы снова поднимаемся в небо, опять начнем искать надежное пристанище в новом районе океана, обозначенном на карте «Точка № 49».

Диверсия

РАССКАЗ

Борис РАЕВСКИЙ
Рисунки Н. Кустова

Телефон на столе трезвонил непрерывно. Иван Ефимович снимал трубку, выслушивал беспокойные голоса (а голоса почти все были беспокойные), что-то кратко отвечал, делал пометки у себя в блокноте.

Едва он клал трубку на рычаг, снова раздавался звонок.

— Товарищ Котляков?! — тревожно выкрикнул в трубке очередной голос. — Ставлю вас в известность: соль кончилась. Вы понимаете?! Совсем кончилась. Уже завтра весь Петроград будет без соли...

— Ясно, — сказал Котляков.

— Нет, вы уж простите меня, товарищ Котляков, думаю, вам это не вполне ясно. Соль — это как хлеб. Или как вода. Без соли город жить не может. Ни дня...

— Ясно, — повторил Котляков. — Приму меры.

Он положил трубку на рычаг, придвинул к себе блокнот и красным карандашом крупно написал: СОЛЬ. Трижды подчеркнул это слово. А потом еще обвел его жирным красным квадратиком.

«Да, соль — это как хлеб. И как вода, — подумал он. — А где ее достать?»

Не успел он сосредоточиться на этой мысли, как снова зазвонил телефон.

— Товарищ Котляков?! — громко кричал

чей-то далекий голос. — Опять саботаж! Банк не выдает денег. Что?!

— Ничего, — сказал Котляков. — Я вас слушаю.

— Я говорю, банк не выдает денег. Рабочие нашего гвоздильного завода волнуются. Сидим без зарплат.

— Хорошо, — сказал Котляков. — Впрочем, не хорошо, а наоборот, плохо, — поправился он. — Приму меры.

Положил трубку, придвинул блокнот и под словом «соль» написал: «банк».

Неугомонный телефон вдруг почему-то замолчал. Это было удивительно. И тишина в кабинете тоже была непривычной.

Иван Ефимович потер голову, слева возле уха. Этот жест стал уже привычным. Четырнадцать лет прошло с тех пор, когда в Харькове, на баррикаде, впились ему в голову казачья пуля.

Да, давно это было, в те жаркие дни пятого года. Доктор сказал: если бы пуля шла чуточку под другим углом, — все, каюк, пиши пропало.

Он снова потер голову над ухом.

«Соль. Где же добыть соль? И немедленно. Впрочем, все-таки это неправда. Соль — не вода. И не хлеб. Несколько дней проживем и без соли. Но добыть надо. Быстро. А где?»

Голодный, хмурый, настороженно-притихший Петроград девятнадцатого года. Многие фабрики бездействуют, разруха. Даже трамвай и то еле ползет.

Вспомнив про трамвай, он придвинул блокнот и под словом «банк» крупно написал: «трамвай».

И тоже подчеркнул это слово красным карандашом.

Котляков сам несколько лет назад работал в трампарке. Уж кто-кто, а он-то знал, что такое для усталых, еле волочащих ноги людей — трамвай. А вот сейчас трамваи в Питере ходят редко, а то и вовсе не ходят.

И именно он, слесарь Котляков, должен позаботиться и о соли, и о трамвае, и о жалованье рабочим. Да, именно он, потому что сейчас он — уже не слесарь Котляков, а первый помощник Калинина. И весь огромный город, все

его хозяйство, все его фабрики и заводы, благополучие всех его жителей, все это зависит от его, Котлякова, энергии и смекалки.

Нет, теперь он уже не удивлялся. Привык помаленьку. А сперва, — ой как боязно было! Простой слесарь — и на тебе!

А впрочем... Чего удивляться?! На то и революцию делали.

К примеру, вот его руководитель — Михаил Калинин. Кто он такой? Токарь! Да, токарь! Вместе на «Айвазе» работали. Вот и выходит: токарь да слесарь управляют всем Петроградом.

...Опять зазвонил телефон.

— Беда! — крикнул кто-то в трубку. — Это я, Лепник! У нас на водопроводной — взрыв!..

— Взрыв?! — Котляков встал.

— Да, да, взрыв! — выкрикнул Лепник. — Бомба в машинном отделении...

— Еду, — Котляков бросил трубку.

Он торопливо сбежал по ступенькам широкой лестницы и кинулся к пролетке.

— На Заречную водопроводную станцию...

Возница по его лицу, видимо, сразу понял: что-то стряслось. Он резко хлестнул кнутом —

раз, другой, третий! — и лошадь с места рванулась рысью.

— Гони, гони, — подстегивал Котляков.

Пролетка неслась по заснеженным улицам.

«Диверсия. Конечно, диверсия, — думал Котляков. — Ясно: оставить город без воды. Вот мерзавцы!»

Вскоре взмыленный конь домчал их до водопроводной станции.

Возле ворот гудела встревоженная толпа. Но внутрь станции людей не пускали. Цепь красноармейцев окружала здание.

Едва Котляков соскочил с пролетки, к нему бросился Рудольф Лепник, комендант охраны.

Котляков знал его давно: надежный, испытанный товарищ.

— Взрыв был сильный, — ведя Котлякова в здание станции, на ходу торопливо пояснял Лепник. — Машиниста контузило. Взрывной волной выбило стекла, сорвало двери. Сторожа отшвырнуло к воротам...

Они вошли в машинное отделение.

Всюду валялись куски отбитой штукатурки, хрустели под ногами обломки стекла. Слева — развороченная машина.

— Воду давать можете? — спросил Котляков.

— Кажется, можем. Основные механизмы не пострадали.

У Котлякова чуточку отлегло от сердца. Значит, город не останется без воды. Это — главное.

— Давайте пройдем по всей станции, — сказал Котляков. — Посмотрим, как дела в других отделах.

Здание было старое. Толстые, как в крепости, стены, угрюмые окна, узкие, словно бойницы. Утренний зимний свет, и без того тусклый, едва просачивался сквозь них.

Прошли один зал... Другой...

— А вот котельная, — объявил Лепник. — Так сказать, сердце нашей станции.

Иван Ефимович не зря столько лет был слесарем. Котельных на своем веку он повидал немало. И сейчас, шагая рядом с Лепником вдоль огромных черных котлов, он узнавал их, как старых добрых знакомых.

Возле одного котла он вдруг остановился. Он даже не сразу понял почему. Котел как котел... В чем дело? Что его насторожило?

И вдруг он увидел... Внизу, слева, из-под котла торчал уголок... Какой-то металлический уголок... Будто под котел подсунут небольшой стальной ящик...

Кто его сюда задвинул? И зачем? И почему затолкал так глубоко, словно старался, чтоб ящик был незаметен?

Он быстро глянул на Лепника. Увидел его встревоженные, жестко сощурившиеся глаза.

Бомба?... Вторая бомба?..

Он не успел еще сообразить, так ли это?.. И что предпринять?..

Лепник опередил его. Толстый и, казалось бы, неповоротливый, он вдруг с какой-то непостижимой быстротой рванулся к котлу.

Это был и впрямь ящикек. Небольшой, но, видимо, тяжелый.

Лепник сделал вдруг что-то совсем непонятное. Все так же стоя на коленях, он прижался щекой к ящику.

Котляков сперва не понял — зачем?

Но тут Лепник предостерегающе поднял руку — мол, тихо!

И еще плотнее прижался ухом к металлу.

И тогда Котляков понял...

— Тикает... Часы! — крикнул Лепник.

Вскочил и, прижимая обеими руками бомбу к животу, побежал к выходу из котельной.

Иван Ефимович кинулся за ним.

Он еще не вполне представлял себе, куда бежит Лепник. Ясно одно: бомбу надо немедленно удалить от котлов.

Котляков бежал рядом с Лепником и, казалось, слышал, как четко и зловеще тикает часовой механизм.

— Уйди! — крикнул ему на бегу Лепник. — Я сам...

Но Иван Ефимович лишь отмахнулся.

Как это — уйди?! А если Лепник споткнется? Или задохнется от усталости. Вон и так сопит, как паровоз.

Лепник бежал, по-прежнему неуклюже прижимая обеими руками бомбу к животу.

А куда бежать? Ведь кругом — народ.

И тут Котляков вдруг сообразил.

— В ворота! — крикнул он. — К реке!

Лепник на секунду замер, потом понял. Кивнул и бросился к воротам.

Там, за воротами, всего в десятке шагов — Нева. Бросить бомбу в реку — это спасение! Лепник бежал, дыша тяжело, с хрипом и свистом.

— Дай мне! — крикнул Котляков.

Но Лепник на бегу упрямо мотнул головой.

— Я сам! — прохрипел он.

Он уже подбежал к воротам. До Невы было рукой подать.

Но Котляков видел: Лепник задыхается, он шатался на бегу, почти падал.

— Дай! — снова крикнул Котляков и рванулся к Лепнику.

Он уже протянул руки, чтобы выхватить у Лепника черный металлический ящик...

...И тут грянул взрыв.

...Когда Котляков приоткрыл глаза, он увидел белое-белое небо. Оно было высоким и неподвижным. Ни тучки, ни облачка.

«Странно», — подумал Котляков.

Никогда прежде он не видел такого бесцветного, словно дотла вылинявшего, совсем белого неба.

Он закрыл глаза. А когда спустя несколько минут снова приоткрыл их, — вдруг понял, что это вовсе не небо. Это — потолок. Вот и трещинки на нем. Целая паутина трещин...

Он скосил глаза вправо и увидел никелированные прутья кровати. Чуть повернул голову: возле кровати в белом халате сидел кто-то очень знакомый.

Но кто?

Котляков пригляделся. И узнал: Калинин. Ну конечно, Калинин! Просто белый халат на нем был таким непривычным.

— Ну вот, кажется, наш больной решил выздороветь, — улыбаясь, сказал Калинин.

Котляков тоже хотел улыбнуться и сказать что-нибудь бодрое, даже веселое. Например. «Здравствуйте, Михаил Иванович! Чего это я валяюсь, как барин?! Пора вставать».

Но улыбки не получилось. И слова тоже застряли где-то внутри, в глубине. А глаза сами закрылись.

«Нехорошо, — подумал Котляков. — Совсем раскис».

Какая-то мысль неотвязно билась у него в мозгу. Какая-то беспокойная, очень важная, главная мысль. Но схватить ее, и тем более передать словами, Котляков не мог.

Лежа с закрытыми глазами, он старался собрать силы, сосредоточиться.

— Ничего, ничего, — прогудел рядом сочный басок Калинина. — Осколков в тебя, правда, много угодило. Но все — в ноги. Так что — не беда...

Осколков было тринадцать. «Чертова дюжина», — сказал хирург. И они, действительно, к счастью, попали в ноги.

Но Калинин умолчал, что кроме осколков и страшнее осколков была контузия.

Когда после взрыва Котляков упал, кровь хлынула у него из горла, из ушей, из носа... Тяжелая контузия.

Тут Котляков, наконец, ухватил мучивший его, все ускользавший вопрос.

— А Лепник? — чуть шевеля губами, произнес он.

В палате стало совсем тихо. Калинин хмуро опустил голову.

— Нету больше Лепника, — наконец негромко сказал Калинин.

Котляков качнул головой. Так... Значит, погиб. Добродушный и бесстрашный толстяк Лепник. С которым он вместе бился в семнадцатом году.

И сразу в памяти вспыхнуло: цепь рабочих идет на штурм Ланского трамвайного парка. Там засела группа офицеров. И в цепи — рядом с ним, Котляковым, Лепник. Он размахивает винтовкой, что-то призывно кричит.

Прощай, дорогой друг, прощай Рудольф Лепник...

Котляков лежал с закрытыми глазами. Но еще какая-то мысль не давала ему покоя.

И опять он долго не мог ухватить ее. И все-таки ухватил.

— А соль? — еле слышно прошептал он. — Соль...

Калинин ответил сразу же.

— О, насчет соли — полный порядок! Четыре вагона соли позавчера прибыло. С Урала...

«Позавчера? — подумал Котляков. — Как же так? Сколько же я тут лежу?»

Но он ничего не спросил. Говорить больше не было сил.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ГЕРОЮ

Это утро только начиналось
На границе родины моей,
Над заставой солнце поднималось,
Исчезал туман с сырых полей,
Пролетали птицы над болотом,
Воздух был по-утреннему чист...
Ты остался здесь у пулемета —
Константин Панкратов, коммунист.

И враги не смяли нашу силу.
Знали мы, что вновь сюда придем.
Мы нашли, герой, твою могилу,
И над нею клятву мы даем!

Спи в цветах с росой серебристой,
Спи среди озер, лесов, полей!
День и ночь стоят сейчас чекисты
На границе Родины твоей!

Люда Мушенко,
12 лет, город Рига

Рисунок Ю. Иванова

ТРУДНЫЙ

ПУТЬ

К
АРЕНЕ

„Я хочу работать в цирке... И только в цирке“, — написал нам Вова Ежов.

Оказывается, Вова умеет ходить на руках, показывать фокусы и смешить ребят.

«Как поступить в цирковое училище? — спрашивает Вова. — Ответьте, пожалуйста, для меня это так важно, я вижу цирк даже во сне...»

Таких писем очень много.

Посоветовались мы в редакции, и я поехал в Москву, в Го-

сударственное Ордена Трудового Красного Знамени училище циркового и эстрадного искусства. Другого такого училища больше нигде нет. Оно единственное в мире.

Звенит звонок. Хлопают двери. Выбегают ребята в красных галстуках и постарше.

А внутри... Внутри вся жизнь кипит на манежах. Есть в училище и классы для занятий, и залы для хореографии, и музей... Но все равно — главное происходит на манежах.

Посыпанная опилками, покрытая брезентом арена показала мне будничной, зато настроение у репетирующих на ней ребят было самое приподнятое, праздничное, потому что...

душная гимнастка Лина Казакова.

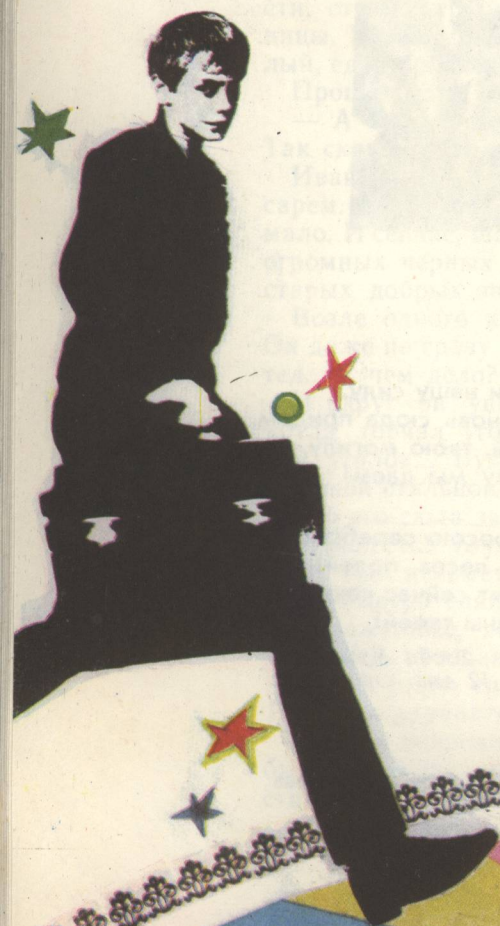
— Дело прошлое, но я приходила на манеж потихоньку ночью, чтобы порепетировать. Даже первое выступление под куполом цирка или мой последний номер под летящим вертолетом на празднике в Химках не страшней отлучения от манежа.

Еще бы! Когда Лина Казакова приехала поступать в училище, там был конкурс...

САМОЕ СУРОВОЕ НАКАЗАНИЕ —

отлучение от манежа. Ты не выучил урока — тебя могут оставить в пустом классе после занятий. Твоего ровесника в цирковом училище наказывают иначе: несколько дней ему запрещают появляться на манеже.

— Это самое суровое наказание, — рассказывала недавняя выпускница училища артистка Московского цирка воз-

ВОТ ЭТО КОНКУРС!

среди мальчиков — 100, а среди девочек — 200 человек на одно место.

Вначале медицинская комиссия отбирает мальчиков и девочек с хорошим здоровьем, правильным телосложением. Таких абитуриентов допускают к экзаменам, где проверяется пластичность, сила, гибкость, прыгучесть. Определяются актерские данные — прочитайте стихотворение или басню, разыграйте сценку на заданную тему. Проверяются вокальные данные, ритmicность, музыкальный слух.

Если хочешь стать музыкальным эксцентриком — надо уметь играть на музыкальных инструментах...

Неудивительно, что легче всего сдают экзамены те ребята, кому...

ПОМОГАЕТ СПОРТ

Тем ребятам, кто летом плавает, зимой бежит на лыжах, занимается легкой атлетикой, акробатикой и, конечно, гимнастикой, не только легче сдать экзамены, но и гораздо легче учиться в цирковом училище.

Расписание занятий. Читаю: история театра, история цирка, музыка, литература, обществоведение, гимнастика, акробатика, жонглирование и еще множество специальных дисциплин.

Может быть, я ошибаюсь?

— Нет, все верно, — подтверждает заместитель директора училища Борис Михайлович Браганцев. — Видите, первый звонок в 8,30 утра, а заканчиваются занятия в половине восьмого вечера. Иначе нельзя, потому что только...

РАБОТА И СТО РАЗ РАБОТА

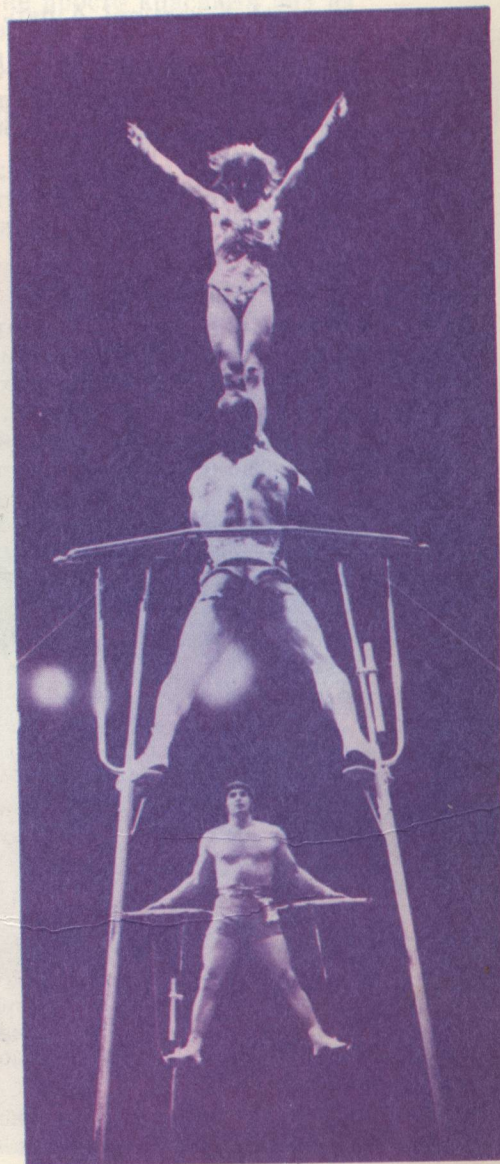
делает за четыре года из мечтающего о цирке школьника циркового артиста.

Питомцы училища — Олег Попов, Карандаш, Борис Вяткин, Елена Бубнова, Степан Денисов и многие другие ак-

Фото И. Колтуна

Оформление Б. Петрушанского

робаты, жонглеры, эквилибристы, клоуны — мастера международного класса.

Исполненные с фантастической легкостью и абсолютной точностью головокружительные трюки, каскад веселых номеров смотрятся зрителем как прекрасный, радостный праздник циркового искусства. Но за каждым номером, исполненным с блеском и кажущейся легкостью, дни и годы труда, физического и нервного напряжения и постоянного самоусовершенствования.

Будущий артист цирка начинается здесь, в училище.

Попробуй, сможешь ли ты кидать и ловить одновременно сразу три камешка или три кольца? А четыре? А пять или шесть?

— Наш ученик Рома Канегин, — рассказывает педагог по жонглированию Любовь Алексеевна Петрова, — уже начинает кидать 8 колец, хотя Роме только 14 лет.

— Восемь колец — это много?

— Очень, — говорит Любовь Алексеевна, — потому что 9 колец — предел. Кидать больше — выше обычных человеческих возможностей. Хотя... наш выпускник Сергей Игнатов жонглирует на репетиции одиннадцатью кольцами.

Здесь почти не говорят: тренировать, репетировать, разучивать. На арене — работаю.

...Парнишка в черном трико «крутанул» арабское сальто и остановился у барьера.

— Расскажите о себе, — попросил я.

— Меня зовут Валера Марков. Только... Есть еще Виктор и Владимир, тоже Марковы...

3 — МАРКОВЫ — 3

— это не название аттракциона, а репортаж о трех Марковых, с которыми я познакомился в училище и в цирке.

— Приехал я из Горького, после десятилетки, сейчас уже на четвертом курсе, — рассказывал Валерий, Марков-первый. — По-моему, самая труд-

ная специальность в цирке — это коверный клоун. Я так говорю не потому, что готовлюсь им стать, а потому, что коверный должен уметь делать в цирке буквально все, —

и так легко, непринужденно, даже как будто неповоротливо, чтобы было смешно. Вот смотрите...

Валера прыгает прямо с барьера, делает в воздухе немыслимый переворот и как будто чудом удачно приземляется в середине арены. Глаза у него широко раскрыты, как будто испуганы, а губы растянуты в сияющей улыбке бесконечно счастливого человека.

Зрители смеются и дружно аплодируют.

Валера подходит, вытирая рукой влажный лоб, продолжает:

— Вам повезло, здесь сейчас Виктор, он расскажет побольше. Время на манеже написано по минутам, извините, до свидания.

Виктор — небольшого роста, легкий, пружинистый, светловолосый.

— В училище я поступил после окончания восьмого класса, к тому времени у меня был второй разряд по гимнастике.

— Скажите, Виктор, под куполом цирка бывает страшно?

— Это моя работа... А вот страху я натерпелся на первом курсе, целую неделю дрожал от страха, когда медицинская комиссия настаивала на

отчислении из-за ухудшения здоровья. Потом оказалось, что меня спутали с другим Марковым, с Володей. Тем не менее он закончил училище и работает сейчас в Московском цирке.

Я поехал в цирк на Цветной бульвар.

Первый вопрос, который я задал Маркову-третьему, атлету с могучим разворотом плеч, тонкой талией и тяжелыми руками.

— Как же вас все-таки не отчислили из училища?

— Долго рассказывать, — артист засмеялся и расправил плечи так, что забугрились мускулы, — занимался много, работал так, что поначалу засыпал на уроках в классе.

Моя специальность — акробатический эквилибр. Отрабатывал каждое движение до совершенства, до...

— До автоматизма, — подсказал я.

— Не совсем. Каждый номер должен быть продуман, каждое движение — осмыслено, иначе вот как может получиться: висел я на трапеции вниз головой на носках, отвлекся, а кто-то из проходивших крикнул наше обычное цирковое «Тяни носки!», я так «автоматически» и спикировал.

— А это что за чудо? — По барьеру манежа не спеша ехал парнишка с книгой в руках, сидя на... одном колесе.

— Это Саша Федотов, — объяснил Володя. — Он у нас недавно, из Киева приехал, выпускник 160-й школы. Саша учит устные и заодно осваивает свой моноцикл, велосипед с одним колесом. Номер сложный, а времени в обрез, вот и приспособился. Поначалу он ночью на улице тренировался, так встречные таксисты от него в стороны шарахались. А как иначе? Нагрузки огромные: все предметы, что в обыкновенной школе да еще в театральном училище, и уйма специальных, цирковых дисциплин. И всегда и в училище и в цирке — работа, работа и сто раз работа!

Виктор ТУЗОВ

КОГДА ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО

Л. БУДАШЕВСКАЯ

В апреле особенно красив школьный сад — деревья в белом, лепестки яблонь устилают землю, даже ступать по ним не хочется.... А малыши собирают лепестки и играют в «снежки»; на лету рассыпается такой «снежок» на сотни мелких невесомых «снежинок».

Сейчас Ржевская земля шед-

ро украшена садами—они есть в каждом колхозе, совхозе, в каждой школе. Здесь, в школе имени Обручева, сад посадили и вырастили ученики — давно это было, и те ученики окончили школу, отслужили в армии, у многих свои дети, а школьный сад растет и хорошеет.

Для ребят восьмилетней шко-

лы имени Обручева весенний сад не просто красивый вид из окна, это прежде всего надежда на хороший урожай. На такой, как минувшей осенью. Сад тогда был похож на старательный детский рисунок: яблоки красные, желтые, полосатые—листьев не видно! Вот уж не думала, не гадала, что такая кра-

Ученическая бригада за работой...

сота бывает. Попросила сфотографировать ребят в саду за уборкой урожая.

— Пожалуйста, как раз сегодня на уроке труда мы будем собирать антоновку для зимнего хранения, — сказала биолог Виолетта Петровна, раздавая ребятам ведра.

Не успел фотограф еще и аппарат открыть, как ведра стояли заполненные прозрачными, словно напоенными солнцем, яблоками.

— Не беда, — выручила Виолетта Петровна и попросила своих учеников: — Соберите-ка яблоки с этой яблони и, пожалуйста, помедленнее!

надо как можно лучше! И макулатуры, и металлолома они сдают больше других. Участвуют во всем, что затевается в пионерской дружине, а ведь класс небольшой — всего четырнадцать человек.

— Это-то и помогает им быть хорошими, — шутят учителя.

А вот как они сами объясняют: «Класс наш дружный — один за всех, все за одного», «За дела беремся всегда вместе», «У нас такого в классе нет, чтобы мальчики были против девочек, чтобы поручений не выполняли». Они гордятся тем, что три года подряд пионерский

ным натиском всего отряда никакой двойке не удержаться!

Сразу вспомнили о дипломах, которые привезли из Ржева с районной математической олимпиады Сережа Ершов и Леня Петров. И о победе Светы Громовой на легкоатлетических соревнованиях рассказали, и об участии в «Зарнице». В отряде гордятся успехами товарищей.

Сережа Ершов — командир отряда, человек серьезный, сдержанный. И товарищи, и учителя уверены, что Сережа не подведет в любом деле. Наблюдая за Сережей на уроке, за его манерой держаться, мне

Отвечают на письмо ветерана Великой Отечественной войны.

Командир отряда имени Лизы Чайкиной Сережа Ершов

Подъехала совхозная машина — за картошкой, выращенной на пришкольном участке. В опытно-производственном хозяйстве «Победа» в ту осень был выращен и собран отменный урожай картофеля, но, как всегда, и школьный урожай идет в общий «котел» — в столовую детского сада и в столовую совхоза. Стали грузить картошку и про нас забыли...

Потом, узнав поближе седьмой класс, я поняла, что умение увлечься делом — одна из особенностей этого пионерского отряда: раз взялись — сделать

отряд остается правофланговым в дружине.

Что значит быть правофланговым? Мы решили выяснить это вместе с ребятами.

— Быть правофланговыми, конечно, прежде всего — хорошо учиться, — сказали они.

Они так и не вспомнили во время нашего разговора, кто же последний раз был назван в отстающих. Отряд всегда на чеку: с пристрастием выясняется причина — не выучил урока или не понял? Не выучил — взбучка, не понял — «скорая учебная помощь». Под друж-

захотелось узнать, какой он, Сережа, после школы? Как живет? Чем увлекается?

Он привык беречь время. Следит за занятиями младшей сестры: ведь мама и папа по долгу заняты в совхозе. Помогает дома по хозяйству, как, впрочем, все его одноклассники. Отец и дедушка Сережи — охотники. Собаки тоже на попечении мальчика. Любит читать. Хороший футболист.

Наверное, Сережа не обидится, если мы здесь приведем строки из его сочинения, написанного на уроке литературы.

«Дедушка Николай Егорович был на фронте с первых дней войны. Защищал Ленинград. За то, что хорошо бил фашистов, награжден орденом Славы и шестью медалями. Дедушка мой — хороший плотник и еще он охотник. Я горжусь дедушкой и хочу быть похожим на него».

Знакомство с Леней Петровым началось у меня заочно: в дневнике отряда я прочла, что на отчетном сборе Леню критиковали... Оказывается, он иной раз отлынивал от дел отряда... Критиковали, а потом... дружно решили избрать звеньевым.

— Почему же снова Леню? — удивилась я.

— А он товарищ надежный, вот пусть и покажет, что умеет перестроиться ради дружбы, что умеет и по-другому к пионерскому поручению отнестись!

Леня ерзал на парте, словно ему что-то хотелось сказать в свое оправдание. Но не сказал, промолчал. Обычно же он общительный, разговорчивый. И всегда в курсе совхозных дел — какое зерно привезли, какая картошка уродилась, сколько машин на поле работает, когда именно начали спускать воду из пруда... То сбегает к матери на скотный двор, поможет брюкву поднести, то к отцу на зерносушилку, а там — два шага до совхозного пруда — как не узнать, насколько снизилась вода?..

Что значит быть правофланговым?

— Катались мы зимой на санках, — рассказывает Сережа Ершов. — Видим, бабушка еле тащит ведро с водой, дорога в гору тяжелая. Бросили санки, помогли ей. Потом всем классом по очереди навещали — кто воду носил, кто дрова колол, кто в магазин бегал. А сейчас к бабушке Некрасовой молодые родственники из города приехали.

Тимуровцы временно без работы остались...

— Почему без работы? А детский сад? — возразила Лия Козырева.

Это классная традиция — кукольный театр в детском саду: Галя Андреева и Света Громова придумывают и показывают сказки, игрушки чинят мальчишки.

Как-то ребятам сказали: сходили бы в деревню Марулево, там много пенсионеров... Клуб от этой деревни неблизко, жалуются люди, что скучны долгие зимние вечера. Пришли в гости: пели, танцевали, развеселили всех по-настоящему!

...Быть правофланговым — значит, знать дела и подвиги земляков, героев войны и труда. Отряд завоевал право носить имя Героя Советского Союза Лизы Чайкиной. Собраны в отрядном альбоме воспоминания тех, кто учил Лизу в школе, работал с ней до войны в райкоме, воевал в партизанском отряде. А рядом — рассказы самих ребят о посещении дома-музея в Пено, о сборе, посвященном Лизе Чайкиной, перечень адресов новых друзей. Например, адрес калининского Театра юных зрителей. Театр помог сельским ребятам, прислал для инсценировки отрывок из своего спектакля «Пока бьется сердце...»

Неподалеку от школы — на пригорке — братская могила: стоит солдат, скорбно склонив голову... Память о погибших за освобождение родной земли священна. Красные следопыты ведут переписку с родными воинов. Письма хранятся в комнате боевой славы.

Бывший комиссар отдельного десантного батальона Семен Кузьмич Козлов прислал в школу от руки нарисованную карту ржевской земли. Следопыты увидели на карте названия деревень, уничтоженных врагом. Была другая деревня и на месте поселка, где теперь живут ребята, где стоит их школа.

...Так что же значит — быть правофланговым? Листаем дневник отряда.

«Пионер настойчив в труде, учении, спорте». Такой была тема сбора. Света Крылова рассказала, как отряд выполняет этот закон...

«Провели экскурсию на ферму в деревню Починки. Это первая в нашем совхозе полностью механизированная ферма. Много же надо знать, чтобы работать на такой ферме...»

«Состоялась встреча с ржевским поэтом Сергеем Смирновым...»

«Миллион — Родине!» Участвуем в соревновании по сбору макулатуры, собрали 200 килограммов старой бумаги. Заняли первое место...»

«Была встреча с агрономом и директором совхоза. Узнали о задачах пятилетки в нашем совхозе, о лучших рабочих совхоза. Есть среди них и наши родители...»

Вы, конечно, понимаете, что цитировать записи из дневника отряда имени Лизы Чайкиной можно было бы и дальше — дел много. Каждое заслуживает хотя бы одной строчки!

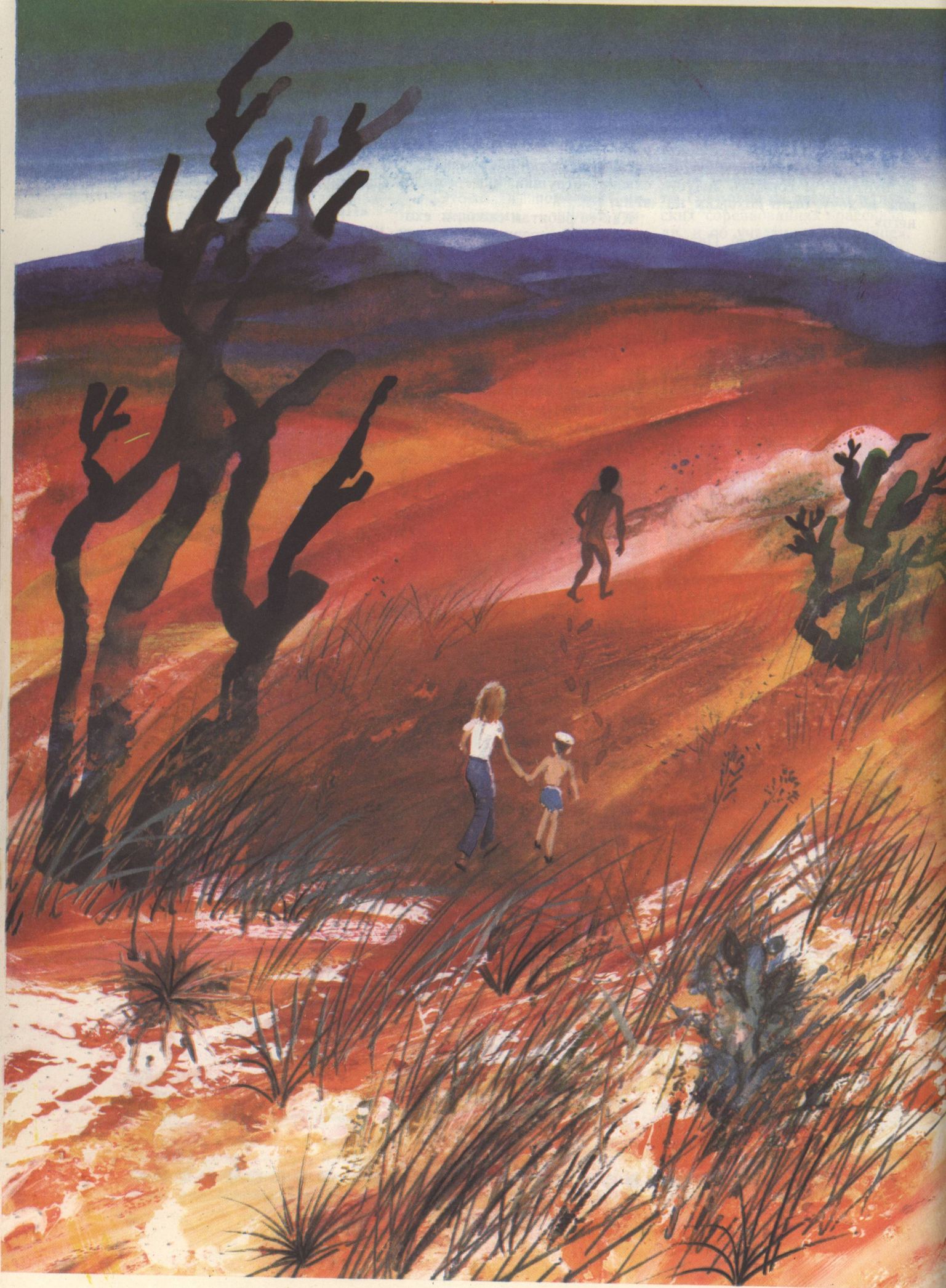
Особенно часто пишут ребята о взрослых, которые встретились им — о тех, кому всегда есть дело до их просьб, до их забот и тревог. И пишут всегда с искренней благодарностью за помощь, за теплое слово, за умение найти в заполненной заботами взрослой жизни душевные силы для сердечного участия.

Так на деле осуществляется в отряде и в дружине девиз пионерского марша «Бери с коммунистов пример!».

Быть таким отрядом нелегко! И тем не менее дружина с честью носит имя правофланговой среди сельских школ Ржевского района.

Фото В. Голубева
Рисунок О. Филипенко

Калининская обл., совхоз «Победа»

АРКОЛОЛА

ПОВЕСТЬ

Джеймс Вэнс МАРШАЛЛ

Рисунки В. Топкова

Дети смотрели на уходящего аборигена. Почему чернокожий второй раз с тех пор, как они повстречались, бросает их?

Вдруг Питер сорвался с места и, увязая в песке, побежал вслед за ним.

— Эй! — у него был испуганный, дрожащий голос. — Вер-р-р-нись, вер-р-р-нись!

А тот уходил. Он двигался как лунатик, ничего не слыша.

Не отдавая себе отчета, Питер бросился к ногам мальчика и судорожно обнял его за колени.

— Не ух-х-ходи!

Абориген вздрогнул и остановился. Положил руки на плечи белого мальчика и мягко оттолкнул его. Но Питер снова впился в него.

— Не уходи, не уходи, не уходи, — захлебывался он в скороговорке.

Абориген неожиданно присел. Его лицо оказалось на одном уровне с лицом малыша.

На него нашло новое необъяснимое чувство. Да, конечно, он это сделает — есть еще время. Он перехитрит Дух болезни и спасет белокожих. Он обязательно приведет их к Большой Воде, Иланба-Му. А сейчас они не должны терять время.

Абориген подошел к потухшему костру, собрал разбросанные клубни ворвовры и махнул детям рукой — курура!

Если бы на скале находился посторонний наблюдатель, он увидел бы, как, оставляя цепочку следов на песке, в глубь пустыни пошли трое — впереди два мальчика, а сзади, на значительном удалении, девочка. Их голоса скоро затихли, и оазис снова погрузился в дремоту под знойным солнцем пустыни, где только камни да деревья были немymi свидетелями происшедшего.

Абориген уверенно прокладывал путь по сыпучему песку. Иногда попадались островки твердой почвы, заросшей серебристой травой, кое-где торчали невысокие стволы засохших железных деревьев. С тех пор, как его племя прошло по этим местам, минуло восемь лет.

В полдень, когда стояла нестерпимая жара, дети остановились у маленькой рощицы. Абориген деловито обследовал место и в жидкой тени самого большого дерева начал копать в песке яму.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросил Питер.

Абориген показал на солнце и, закрыв глаза, сказал:

— Бутукамби.

Затем он примерился несколько раз к яме и улегся в нее.

— Все ясно, — бормотал себе под нос малыш, усердно пытая и обливаясь потом над ямами для себя и Мэри. — Нам тоже жарко.

Он попытался было пригласить в яму сестру, но потом оставил ее в покое. Она находилась в каком-то непонятном состоянии. Ну и дуры же эти девчонки, все у них не так.

Мальчики дремали часа три, усталость и жара сморили их: Мэри все это время просидела в сторонке у дерева, не сомкнув глаз.

Приученная с детства пренебрежительно относиться к цветным, Мэри никак не могла преодолеть неприязни к аборигену, хотя прекрасно понимала, что именно он спас и ее и Питера от смерти. Теперь же, после этого танца — непонятного и страшного, Мэри решила держаться подальше, кто знает, что у него на уме? Нет, Мэри не даст застать себя врасплох.

Когда жара спала, они подкрепились клубнями ворвовры, которые предусмотрительно захватил абориген, и двинулись дальше. В этот день они прошли около пяти миль. Абориген

мог бы пройти в пять раз больше, но Питер очень устал и к тому же ужасно натер ноги.

Поздно вечером, когда солнце уже закатилось за горизонт, они подошли к краю огромного солончакового плато, которое возвышалось над пустыней метров на пятьдесят. Дети поднялись гуськом наверх, и их темные фигуры замаячили на закатном небе.

Ночь они провели в широкой трещине, пересекавшей край плато. Абориген снова сделал костер, хотя теперь дров было совсем немного и разжечь огонь было значительно труднее. Они съели остатки ворвовры и напились солоноватой воды из лужи, которую абориген нашел поблизости, в одном из углублений плато. В этот день злые духи, наверное, ходили недалеко от них и испортили всю охоту.

Мэри молча грелась, все время стараясь, чтобы костер был между ней и аборигеном. Когда они укладывались спать, по одну сторону костра легли мальчики, по другую — девочка. Ей не спалось. Она шумно ворочалась, вздыхала, потом несколько раз всхлипнула. Питер, измученный дневными переживаниями и усталостью, недовольно заворчал:

— Перестань ты ерзать, Мэйми! Я не могу заснуть.

— Извини, Пит, — кротко ответила она.

Девочка старалась лежать лицом к костру. Она видела аборигена, который выделялся темным силуэтом на фоне горящего костра. Он стоял, всматриваясь в пустыню, освещенную луной. Как она хотела знать сейчас: «О чем он думает?» Она повторяла про себя эту фразу много раз, пока глаза у нее не сомкнулись и дыхание не стало глубоким и ровным. Девочка погрузилась в крепкий сон.

Абориген не спал. Час проходил за часом, а он неподвижно стоял у костра, как каменное изваяние, и воспоминания теснились у него в голове.

...Мерцающие отблески костра, старый мудрый Тжалики рассказывает легенды Древних людей... Давно это было, в самом начале, когда небесный владыка Байаме ходил по земле. Он из красной земли гор сотворил двух мужчин и женщину. Увидев, что они живые, он показал им те растения, которые они должны были есть, чтобы жить, и отправился своим путем. Те питались растениями, которые указал им Байаме, затем наступила засуха, растений стало мало, и один из мужчин убил сумчатую крысу. Он сам и женщина ели мясо крысы, но второй мужчина не стал есть, хотя был голоден и лежал как мертвый.

Женщина говорила, что мясо хорошее, и уготоваривала его поесть. Это ему надоело, он рассердился и, хотя был очень слаб, ушел в сторону заката, а остальные двое продолжали жадно есть.

Наевшись, они пошли за ним. Они шли через пески и покрытые галькой хребты. Подойдя к краю долины, они увидели своего товарища на другой стороне, у реки. Они крикнули, чтобы он остановился, но он не обращал на них

внимания и продолжал идти, пока не подошел к большому белому эвкалипту. Здесь он замертво упал на землю, а рядом с ним люди увидели черное существо с двумя огромными огненными глазами. Оно подняло мертвеца на дерево и бросило в дупло.

Люди слышали такой оглушительный удар грома, что, пораженные, упали в страхе на землю. Поднявшись, они с удивлением увидели, что гигантский эвкалипт вырван из земли и несет по воздуху в южную сторону неба. Внезапно тишину нарушил хриплый крик двух желтогрудых какаду, летевших за исчезающим эвкалиптом. Люди называли этих какаду — Муйи.

Дерево-дух улетало все дальше, а за ним летели Муйи, громко умоляя дерево остановиться, чтобы они могли попасть в свое гнездо.

Наконец дерево скрылось около Варрамбула, или Млечного Пути, который ведет туда, где потом поселится небесный владыка Байаме.

Абориген зашевелился, переступил с ноги на ногу. Вдруг далеко в пустыне зажглись два огонька. Он вздрогнул. Огоньки медленно двигались в сторону восхода. Что это? Динго или сумчатый волк? Огоньки постепенно растворились в черноте ночи. Абориген поежился от холода и подбросил в костер веток. Сон не приходил.

Утренний туман еще поднимался над пустыней, когда абориген разбудил детей. В горячих углях костра допекалась крупная ящерица. Голодные дети уничтожили ящерицу за несколько минут. Потом абориген разбросал костер, махнул детям рукой и быстрыми шагами двинулся вперед. Питер хорошо отдохнул и выспался. Он вертелся вокруг аборигена, его голос разносился кругом. И черный мальчик, казалось, понимал его, что-то отвечал ему.

Питер решил выучить язык чернокожего. И пусть после этого Мэри посмеет говорить на своем французском, знанием которого она постоянно хвасталась.

Он подбежал к аборигену, держа обломок камня.

— Как это называется?

— Гарша, — резко произнес тот, словно подчеркивая крепость камня.

— А это? — белый мальчик показывал на пучок сухой травы.

— Каратхара, — слово было шуршащим, как сама трава.

— Гарша, каратхара... Гарша, каратхара, — пронзительный дискант Питера нарушал тишину пустыни. Он бросался в сторону, и тут же возвращался, показывая аборигену еще что-нибудь. Мэри шла сзади.

На обед они поели каких-то плодов, похожих на печеные яблоки. В полдень снова пережи-

дали жару, отдыхая в ямах под кустами. По крайней мере, Мэри отдыхала, а мальчики болтали. Потом дети снова пошли по красному каменистому плато, держа направление на юго-запад.

Идти было очень неприятно. Ноги тонули в красной пыли. Скоро и Питер притих и уныло тащился рядом с сестрой. Было полное безветрие. Пыль, поднятая ногами, висела за ними в неподвижном знойном воздухе так, что, оглядываясь назад, они видели красное облако, постепенно исчезающее за горизонтом. Через некоторое время Питер зачихал.

При первых же звуках абориген улыбнулся. Он вспомнил их встречу. Питер чихал, не переставая, несколько минут, и черный мальчик с тревогой начал поглядывать на него. Малыш, наверное, заболел дождевой болезнью. На самом деле Питер заболел гриппом. Он заболел еще дома. Его кое-как подлечили, и вот теперь, когда организм мальчика ослаб, болезнь вспыхнула с новой силой. Питер отчаянно чихал и кашлял. Глаза у него покраснели и слезились, из носа текло, все тело ломило.

Аборигены не знали, что такое грипп. Иногда они болели малярией, которую называли дождевой болезнью. Простуда им была неведома.

Весь день и часть вечера, пока они шли по пыльной равнине, Питер ужасно страдал. Когда пришло время ночлега, он был вконец измучен и настолько обессилен, что не стал есть. Ему еще хватило сил подползти к сестре и положить голову к ней на колени.

Абориген возился с костром. Он был доволен. Сегодня они шли хорошо. Если они и дальше будут идти так быстро, то через семь снов придут к Большой Воде Иланба-Му. Тогда белокожие будут спасены.

Он не подходил близко к девочке, догадываясь, что чем-то пугает ее. Он потихоньку улегся на землю с противоположной стороны костра.

Над пустыней вставало желтое солнце. Легкий утренний ветерок шевелил кустики малги. Первым проснулся абориген. Готовый встретить новый день, он сразу стряхнул с себя сон. Мальчик встал, расправил руки, вдохнул свежий воздух и тихо пошел к ручью, протекавшему рядом.

Затем проснулся Питер. Ему было значительно лучше. Он сел, покачиваясь, и начал прочищать нос и протирать глаза.

Мэри, не открывая глаз, проговорила сонным голосом:

— Питер, где твой платок?

— Потерял.

Он не стал дожидаться дальнейших нотаций и быстро встал.

— Пойду посмотрю, что там делает черный.

Засунув руки в карманы, он побрел по проходу между скал к ручью. Кругом торчали

большие валуны. В скалах виднелись кратерообразные углубления. Это было очень похоже на поверхность луны, совсем как в комиксах, где рисуют суперменов в космосе. Он неторопливо шел, с опаской поглядывая по сторонам — а вдруг какой-нибудь монстр и впрямь набросится на него. Пройдя несколько десятков футов, он услышал какой-то хруст, перемежающийся с тяжелыми шумными вздохами. Снедаемый страхом и любопытством, Питер осторожно подошел к большому камню и выглянул из-за него.

В двадцати футах ниже него находился маленький водоем, окруженный скалами, с кристально чистой и неподвижной, как стекло, водой. Около него возился абориген, катая небольшой валун. Он увидел Питера и улыбнулся.

— Яррава! — он показал на водоем.

Спуститься вниз для Питера было делом одной секунды.

Он сразу увидел, что такое «яррава». В глубине водоема сверкали серебряными стрелами рыбешки. Их размеры колебались от трех до пятнадцати дюймов. И тут Питер вспомнил о завтраке.

— Ямара? — он показал на рыбу.

Абориген кивнул.

С одной стороны водоема было мелко, и Питер вошел в воду. Он очень хорошо видел каждую рыбку. Их были десятки, если не сотни. Когда Питер протягивал руку, чтобы схватить хотя бы одну, они исчезали в глубине. Он неуверенно топтался на мелководье, тщетно пытаясь их поймать. Абориген тихо смеялся. Потом он поманил мальчика к себе и подвел его к гладкому круглому камню.

— Курура, — сказал он и начал вкатывать камень на скалу, нависавшую над водоемом. Питер, пытаясь от натуги, трудился над другим камнем. Вскоре мальчики забрались на самый верх. Абориген жестами изобразил свое намерение. Питер понимающе кивнул. Они вместе подняли камни и бросили их в воду. Огромный фонтан брызг поднялся над водой. Мальчики прыгнули в воду. Через минуту две дюжины оглушенных рыб лежали на берегу.

Абориген ликовал. Он сгреб рыбу в кучу и начал с ней играть. Он подбрасывал рыб в воздух, пропускал их через растопыренные пальцы, как скряга, наслаждающийся видом золота. Ведь это была еда, йемара!

Рыбы было так много, что ее невозможно было унести. Но Питер быстро нашелся. Он снял шорты, и дети, навалив в них рыбу, торжественно приволокли этот тяжелый тюк к костру.

Когда все поели и нужно было двигаться дальше, Питер отказался надеть шорты. Это была настоящая сцена с ревом и криками.

— Посмотри, — хныкал малыш, — они такие страшные, все в чешуе. И мне в них жарко.

— Постирай и надень, — невозмутимо ответила Мэри.

— Не буду! Не буду! — Питер затопал ногами.

Спор разрешил абориген. Печеная рыба была слишком большой ценностью в пустыне, чтобы ею можно было пренебречь. Он молча собрал рыбу в шорты, подошел к Мэри и положил сверток перед ней. Ведь это была лубра. По законам племени груз обязана носить женщина.

— Курура! — сказал он.

Так они начали свой четвертый день пути.

Идти было легче, чем вчера. Пыли не было. Они шли вдоль ручья, пока он не исчез в песке, а потом вышли на гладкую, как стол, равнину с глинистой твердой поверхностью.

Здесь абориген пошел быстрее. Это было слишком быстро для Питера, который задыхался от насморка. У него снова заслезились глаза. Грипп еще не прошел. Полуденная остановка в роще золотых казуарин никогда еще не была такой желанной. Но это удовольствие продолжалось недолго. Абориген спешил. Они снова потащились по бесконечной пустыне, все дальше и дальше.

С первыми порывами вечернего ветерка они остановились в эвкалиптовой роще. Воды они не нашли. Абориген развел большой дымный костер. Потом они поели печеной рыбы. Черный мальчик возился у костра, подбрасывая ветки эвкалипта, потом отошел в темноту и вдруг неожиданно громко чихнул. Это ошело-

милло его. Он почувствовал слабость, поднял руку ко лбу и вытер выступившую испарину. Его охватил страх. Дух несчастья вошел в него в виде дождевой болезни. Он сразу вспомнил больного старика. Тот болел недолго и вскоре умер. Тело старика было необыкновенно легким, когда его поднимали на погребальный помост.

Мальчик начал дрожать. Он медленно и нерешительно побрел к костру и лег у огня, пытаясь согреться.

Белые дети с опаской поглядывали на аборигена, но не подходили к нему. Вскоре они оба заснули. А абориген снова не спал. Он лежал, греясь у костра, и никак не мог унять дрожь.

На следующее утро стало ясно, что абориген заболел гриппом. У него текло из носа, глаза воспалились и покраснели. Еще долго после восхода солнца он неподвижно сидел у тлеющего костра, забыв о еде. Питер несколько раз предлагал ему рыбу, но тот не стал есть. Дети ждали, когда же он двинется в путь. Час проходил за часом, а абориген сидел, уставившись в костер.

— Послушай, Мэйми! — не выдержал малыш. — Он, наверное, заболел.

— Возможно...

— Давай-ка я спрошу у него.

Он подошел к аборигену:
— Ты здоров? — он с тревогой взглянул на него. — Курура Аделаида!

Абориген замигал, встрепенулся. Он увидел лубру и малыша и вспомнил, что до Большой Воды Иланба-Му еще пять снов нелегкого пути, затем медленно встал и молча двинулся в пустыню.

Все утро они шли, не разговаривая. Вскоре после полудня абориген начал кружить, словно что-то искал. Через некоторое время он нашел едва заметные птичьи следы. Они привели его в конце концов к круглому холмику высотой в три фута. Он был построен из земли и гнилых листьев талегулой, кустарниковой индюшкой. Внутри, абориген знал это точно, должны быть яйца.

И верно, в холмике лежало четырнадцать яиц, разделенных перегородками из листьев.

Абориген запек их на костре. Густое, с привкусом ореха кушанье было вкусным и аппетитным.

После еды детям еще сильнее захотелось пить. Но кругом не было никаких признаков воды.

Дневной отдых был значительно дольше обычного — болезнь измучила аборигена. Когда он, наконец, встал и побрел дальше, его шатало из стороны в сторону. Каждый шаг давался ему с трудом. Он погрузился в мир своих видений. Его лихорадило. В воспаленном мозгу проносились образы и воспоминания.

...Вот отец показывает, как делать дротик из дерева текома вайн. У него сильные руки, он все умеет... Первая добыча, которую он принес в племя... Веселый праздник у дымных костров... Вдруг появилась беспокойная мысль, знают ли эти белокожие незнакомцы, как сде-

лать погребальный помост высоко над землей, так, чтобы злые духи Джукити не смогли забраться и проникнуть в его тело...

Солнце уже успело подняться высоко, прежде чем дети двинулись дальше. Пустыня была все так же удручающе однообразна. Только вместо плоской равнины — длинные песчаные дюны, чередой уходившие вдаль. Нужно было подниматься на гребень каждой дюны, а потом, увязая в песке, спускаться вниз, и так до одури: вверх-вниз, вверх-вниз. Через час далеко на горизонте в дрожащем мареве света они увидели цепочку холмов. Черный мальчик оживился.

— Иланба-Му, — тихо произнес он и махнул рукой в сторону холмов. Больше он не сказал ни слова.

Дети шли медленно. Впереди тащился абориген. Он с усилием вытаскивал ноги из песка и выбрасывал их вперед, шагая, как кукла. Голову он держал прямо и смотрел отсутствующим взглядом. Казалось, он спал на ходу. Футах в двадцати сзади плелся Питер. Мэри шла последней. Она низко опустила голову, погруженная в свои мысли.

Внезапно Питер издал крик и побежал к аборигену.

— Смотри! Еда! Ямара!

Между кустами спанифекса метнулась пара созданий, похожих на дикобразов.

Абориген очнулся. Он схватил ветку якки и бросился к ним. Это были ехидны, удивительные животные, встречающиеся только в Австралии, нечто среднее между ежом и дикобразом, вооруженные длинным птичьим клювом. Увидев людей, ехидны попытались спастись бегством. Но абориген преградил им дорогу. Тогда животные начали зарываться в песок. Молодой охотник действовал быстро. Он выкопал животных палкой и перевернул их иглами вниз.

Дети съели их, зажарив в листьях. Потом они снова пошли дальше.

Кончался еще один день. Они нашли удачное место для ночлега, у скалы рядом с лениво текущим ручьем. Дети напились, а потом абориген с трудом разжег костер.

Утром Питер проснулся раньше всех. Он зевнул, потянулся, посмотрел на спящих, Мэри и аборигена, потом на ручей. Уже становилось жарко. Вода искушала. Он встал, подошел к ручью и сунул палец в воду. Она была теплая. Ах как приятно было искупаться! Он пробыл в ручье долго. Наконец, накупавшись, он двинулся обратно к лагерю.

Мэри уже проснулась, а абориген еще спал. Питер, захлебываясь от возбуждения, рассказывал о купании. Она бросила быстрый взгляд на аборигена и, убедившись, что он спит, встала.

— Разведи костер, Питер, — сказала она. — Ты сможешь это сделать, пока я выкупаюсь?

— Конечно! Тут много горячих угольков.

Девочка чуть-чуть улыбнулась, довольная, что брат уверен в своих силах, и пошла к ручью. Она сбросила платье, все в дырках и прорехах, распустила волосы и вошла в воду. Это было восхитительно. Она давно не испытывала такого блаженства. Как легко ей было сейчас, как радостно. Вода смыла все нервное напряжение последних дней, все сомнения и страхи. Когда-нибудь, думала она, через день, неделю или месяц они придут в Аделаиду или в другое место, и все кончится хорошо. О больном аборигене ей не хотелось думать. Ведь солнце светило, о них заботились, была вода и еда, Питер поправился. Она радостно запела.

Питер тем временем старательно возился с костром.

Абориген уже проснулся. Он лежал на спине, смотрел в бездонное голубое небо и думал. Из какого же племени эти смешные белые люди? Нет, пусть он болен, очень болен, но он не может оставить их на произвол судьбы.

Мальчик с трудом встал. У него закружилась голова и на лбу выступила испарина. Абориген вздохнул и поплелся к ручью, где, судя по плеску и пению, купалась лубра. Он должен успеть рассказать ей!

Он поднялся на небольшую скалу, стоявшую около ручья, и увидел внизу девочку. Она сняла с себя свои странные вещи и распустила волосы по поверхности воды. Абориген никогда не видел таких светлых длинных волос. Голова лубры была похожа на солнце, испускавшее золотистые лучи света. Это было очень красиво. Абориген свесился со скалы, восхищенно разглядывая девочку.

Внезапно Мэри посмотрела вверх. Их взгляды скрестились. Послышался сильный всплеск, девочка закричала и бросилась на берег. Ноздри у нее раздувались, губы кривились, а глаза были полны ужаса. Абориген сделал еще шаг вперед, увидел камень в ее руке и нерешительно остановился. Он почувствовал страх. Он не мог понять, в чем дело. Мальчик почувствовал новый прилив слабости.

Он повернулся и побрел в пустыню.

Дети провели ужасно тоскливый день. Питер не хотел бросать аборигена, а Мэри не хотела подходить к нему. Они так ничего и не ели. К вечеру Питер пошел побродить по ручью в поисках рыбы, но ничего не нашел. Целый день он таскал в пригоршнях воду аборигену. Сначала тот не пил и все оттапливал руки Питера, но потом немного выпил. Мальчик заметил, что ему трудно глотать.

Перед заходом солнца дети пошли искать еды. Им повезло. Там, где кончался оазис и начиналась пустыня, Питер нашел четыре клубня ворвовры. С большим трудом они снова разожгли костер и испекли клубни.

Питер принес ворвовру аборигену. Весь этот долгий вечер грустный Питер сидел около него, держа его руку.

Абориген вдруг зашевелился и задвигал гудами. Питер наклонился к нему. Черный мальчик что-то прошептал и показал в сторону костра. Мальчуган ободряюще сжал ему руку. Потом, осененный внезапной догадкой, вскочил и побежал к Мэри.

Она сидела у огня, задумчиво вороша палкой листья на песке.

— Мэйми! Он зовет тебя! Он что-то хочет сказать!

— О, нет! Нет, нет!

Брат гневно посмотрел на нее.

— Ты что, рехнулась? Он не может встать, понимаешь?

Дети подошли к кусту, под которым лежал абориген. Девочка нерешительно опустила перед ним на колени.

Абориген слабо зашевелился. Мэри низко наклонилась к нему.

— Арколола, — прошептал он.

Питер сбегал к ручью и вернулся с полной пригоршней воды. Но абориген оттолкнул его руку.

— Арколола, — он показал на Мэри.

— Но я не хочу пить, — растерянно сказала она.

— Арколола, — повторил мальчик, — йемара, Иланба-Му. — Он показал рукой на Мэри, а потом махнул рукой туда, где садилось солнце.

Дети недоуменно переглянулись. И только после того, как абориген провел на песке волнистую линию, изображавшую горы, и соединил ее концы одной чертой, Питер понял, в чем дело.

— Там, где садится солнце — горы. За ними есть вода и еда. Он это и хотел тебе сказать. И еще — он приказывает нам туда идти.

Мэри, ошеломленная, села, потом осторожно положила голову аборигена на колени и начала гладить пальцами его лоб. Глаза мальчика открылись. Сначала они наполнились изумлением, а потом он благодарно улыбнулся. Девочке показалось, что невидимая стена, прочно стоявшая между ними, внезапно рухнула. Ей хотелось плакать и кричать на всю пустыню:

— Ведь и я, и Питер, и другие мальчишки и девочки Гринвуда, и папа, и мама, и этот мальчик, и другие черные, как он, — все люди на земле должны жить между собой в дружбе, а если один из них попадет в беду, другие обязательно должны прийти к нему на помощь!

Дети похоронили аборигена прямо в песке. Они долго копали яму палками и острыми камнями. Был уже полдень, когда, уставшие и голодные, они насыпали могильный холмик. Теперь они остались совсем одни. Мэри не выдержала и расплакалась. Питер попытался неуклюже ее утешить, поглаживая по руке, и сам разревелся.

Наконец дети успокоились, съели оставшиеся ворворы и сели в тени дерева. Что делать,

куда идти? Где достать еду и воду? Теперь эти вопросы мучали их.

Через некоторое время Питер встал.

— Пошли, Мэйми! Курура!

— А куда?

— Туда, — он махнул рукой в сторону захода солнца. — За горы.

Девочка с сомнением посмотрела на него.

— Ты уверен, что это правильный путь?

— Уверен. Он же сказал тебе — иди за горы, там вода и еда.

Скоро они вошли в широкую долину, окруженную невысокими красными холмами. К концу дня, когда уставшие дети еле волочили ноги, холмы перешли в высокую гряду гор, а долина стала ущельем.

Дети медленно поднимались по нему вверх. Перед заходом солнца они остановились. Мэри нашла лужицу мутной воды, и дети с жадностью напились. Подстегиваемые голодом, они попытались найти какую-нибудь еду, но наступившая темнота положила этому конец. С костром ничего не получилось. Его умел разжигать только абориген. С гор потянул свежий ветер. Дрожащие от холода дети устроились на ночь на куче листьев в большой трещине. Они тесно прижались друг к другу. Снизу из пустыни доносились непонятные звуки. На черном небе мерцали колючие звезды. Было холодно и страшно.

Они не спали почти всю ночь, и заснули только утром, когда стало немного теплее. Их разбудило солнце и громкое щебетанье птиц.

Дети пошли по ущелью вверх, огибая огромную скалу. Они поднимались медленно. Каждый шаг давался с трудом — чувствовалась высота. Скалы здесь были выжжены солнцем и лишены растительности. Усилились порывы ветра.

— Осторожней, Пит! — Мэри остановилась передохнуть, вытерла с лица пот.

Взявшись за руки, дети карабкались вверх. Неожиданно ущелье раздалось в стороны, и запыхавшиеся дети выбрались на ровную площадку. Это была высшая точка перевала. Подниматься больше было некуда. Впереди — спуск.

Перед ними раскинулась удивительная панорама. Слева и справа громоздились угрюмые толпы гор, а впереди расстилалась широкая равнина, покрытая облачным покрывалом.

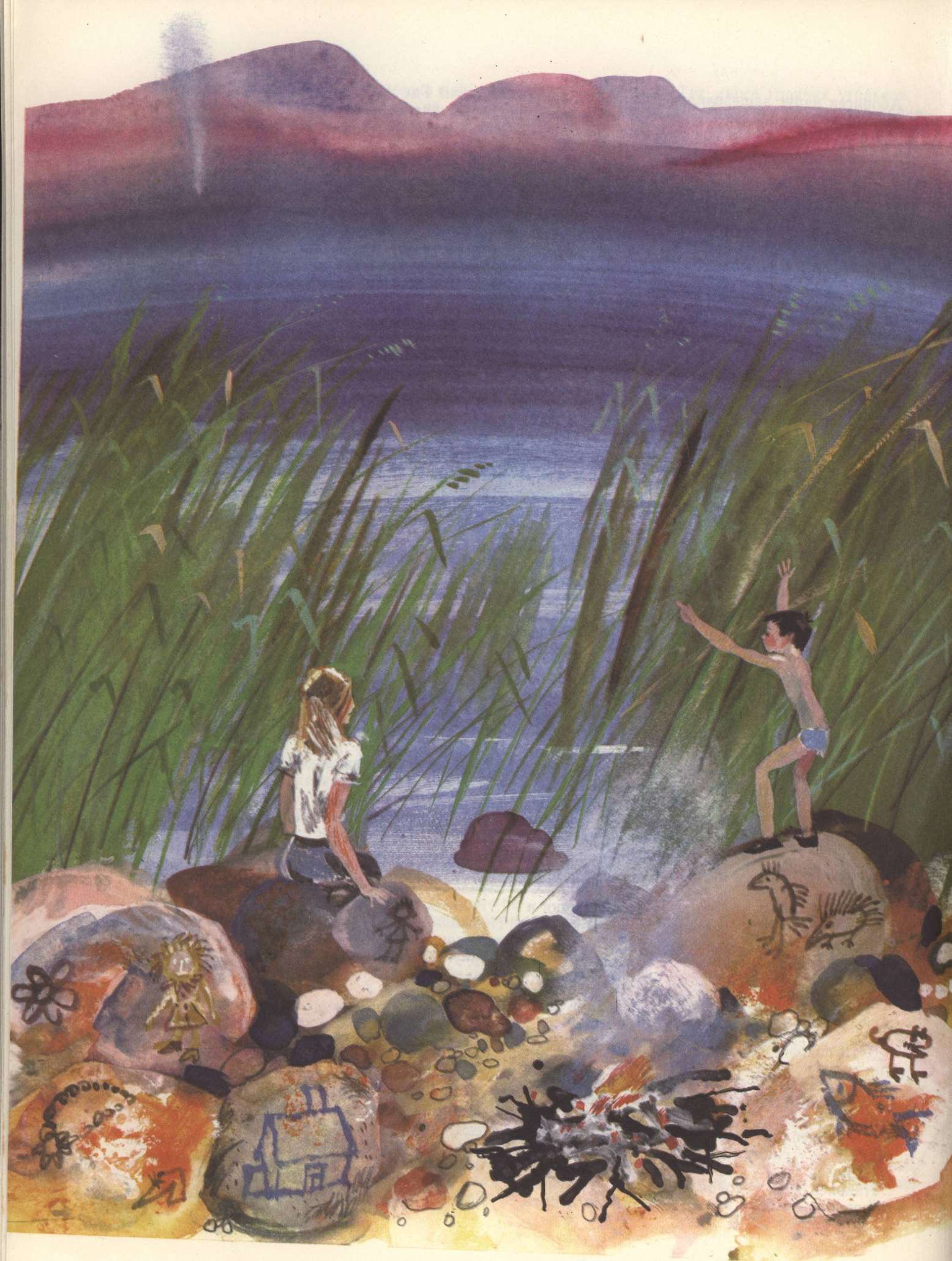
Питер затанцевал, радостно крича:

— Аделаида! Ямара, арколола, ура, ура!

А Мэри отвернулась, чтобы смахнуть с лица слезы.

На мгновение облака разошлись, открыв большое озеро. Потом облака снова сомкнулись, но дети уже увидели свою цель.

Они начали спускаться вниз.

К вечеру дети подошли к большому озеру, берега которого поросли камышом. Место было тихим и уютным.

Внезапно тишину нарушил ликующий крик мальчика:

— Мэйми, эй, Мэйми! Иди скорей сюда! Посмотри, что я нашел!

В десяти шагах от берега в небольшой яме догорал костер. Вокруг были разбросаны остатки еды. К воде вела цепочка человеческих следов...

Солнце скрылось за краем хребта. С блаженством они вытянулись друг подле друга у потрескивающего костра.

На заре среди камышей простонала выпугай. Ухнула сова, и ее крик эхом прокатился по озеру. Серп луны поднялся над горами.

На следующее утро, едва они разожгли костер и приготовились наловить рыбы на завтрак, как увидели дым. Тонкая спиральная струйка поднималась к небу.

Дети навалили в костер огромную кучу сырых веток, и вскоре в небо поднялся огромный столб густого дыма.

Девочка во все глаза разглядывала противоположный берег озера. Она заметила там какое-то движение. На берегу задвигались фигурки и спустились к воде. Прошло несколько минут — и на поверхности озера можно было различить три точки.

— Они плывут, Пит! Ты думаешь, это белые люди, Пит?

Глаза детей были прикованы к пловцам, которые медленно приближались. Они плыли в один ряд, и Питеру показалось, что у них неестественно большие головы.

Взявшись за руки, дети спустились к самой воде. Пловцы заплескались на отмели, и тут стало ясно, почему у них такие большие головы. На них были укреплены свертки.

Первым был мужчина-абориген. На плечах у него сидел маленький ребенок. За ним из воды вышла женщина. В свертке на голове она держала маленького щенка. Последней была девочка, ровесница Мэри.

Мужчина осторожно спустил на берег ребенка, а потом подошел к Питеру. Это был высокий стройный человек. Его грудь покрывали рисунки белого цвета. Он был голый, как, впрочем, и все остальные. Абориген с любопытством обратился к Питеру:

— Ворум гала?

Пока Питер пытался рассказать, что с ними произошло, женщина подошла к Мэри. Черная девочка развязала мешок и, улыбаясь, протянула Мэри большие ярко-красные плоды.

Женщина одобрительно закивала головой.

Питер сумел наконец объяснить все мужчине.

Тот указал рукой на левую часть равнины, а потом жестами изобразил подъем на гору —

согнул ноги в коленях и начал поочередно их поднимать. На вершине он показал, что детям предстоит заночевать — лег на песок и потешно захрапел. Затем провел палкой линию на восток, туда, где поднимается солнце. Через некоторое расстояние линия оборвалась, и здесь двумя кривыми линиями мужчина изобразил высокую гору. За горой линия снова пошла дальше. Вскоре появилась другая, более низкая гора. И тут абориген отметил воду. Он нарисовал круг и показал на озеро. Он также пометил еду — нарисовал ворвовру около горы. И здесь же показал — спать. Снова лег и захрапел. Дети кивнули. Все было понятно. На следующий день линия снова пошла на восток по направлению к другой, более высокой горе. И здесь, у подножия горы она остановилась и закончилась у дома. Мужчина нарисовал его. Одна дверь, одно окно, одна труба, дорожка, обсаженная цветами.

Дети посмотрели друг на друга. Глаза девочки сияли как звезды. О, какое это счастье! Скоро, очень скоро они будут дома. Конец всем страданиям и страхам.

Питер еще раз огляделся кругом, посмотрел на камыши, на сверкающую поверхность озера, на горы, глубоко вздохнул и понял в этот момент, что пережитое за две недели он запомнит на всю жизнь. Он подошел к остаткам костра, собрал оставшуюся с вечера рыбу, остановился на мгновение, ни на кого не глядя, еще раз обвел взглядом залитую солнцем равнину, потом подошел к аборигену и протянул ему руку.

— До свидания! — произнес он твердым голосом, чувствуя себя намного повзрослевшим, совсем мужчиной. — Спасибо!

Абориген удивленно глянул на него и протянул свою руку, не понимая, что это означает. Питер повернулся к сестре.

— Эй, Мэйми, пошли! Курура! — и он двинулся вдоль озера.

Перевод с английского
Н. БРУСНИЧКИНОЙ и Л. ГЛЫБИНА

ДИКАЯ ДИНГА

ИЗ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Вот и кончилось лето. Первое сентября. Школьный двор в белых передниках, вихрастых чубах, косичках и ярких букетах цветов. А вот и мой 6 «а».

Подхожу к ребятам. Восторженные лица и возгласы: — А у нас новенькая!

После торжественной линейки все расселись по своим местам и только новенькая осталась у двери.

Пустовала последняя парта. Новенькая села туда.

— Девочка назови себя, пожалуйста.

Новенькая поднялась.

— Дикая Дина, — представилась она и села.

Кто-то из мальчишек выкрикнул:

— Дикая Динга.

Класс зашумел. Теперь Дикая Динга так за ней и останется. Надо будет поговорить с ребятами. Закончились заня-

тия. Дети гурьбой высыпали на улицу, только Дина осталась в классе. К ней подошла Любочка Ганина: спокойная и рассудительная девочка, неизменная староста класса.

— Пойдем, Дина, нам с тобой по пути. А на ребят не обращай внимания. Это они так, подразнить и перестанут.

Из школы Люба и Дина вышли вдвоем. На улице их уже поджидали ребята. Им тоже очень хотелось познакомиться с новенькой, но мальчишечья гордость не позволяла им сделать это мирным путем. Они сразу обступили девочек и стали выкрикивать: «Динга, а ты откуда? А где ты жила раньше?» Но Люба властно раздвинула мальчиков и, взяв Дину за руку, вывела ее из живого круга. По дороге домой Люба узнала, что Дина приехала в наш поселок к бабушке и будет здесь учиться

до конца года. На вопрос — а где твои мама и папа? — Дина промолчала. Так шли дни за днями. Дина сидела одна. С девочками не сближалась, мальчиков сторонилась. Училась хорошо, очень любила литературу. Кличка Дикая Динга накрепко приросла к ней, но она равнодушно относилась к своему прозвищу.

В конце сентября я отправилась навестить Дину. Дом у них небольшой: две комнатки. Вторая комнатка была разделена занавеской на две половины. Одна из них — уголок Дины. В комнате очень чисто и уютно. Всюду цветы: на стенах, тумбочках и даже на полу. Бабушка, Мария Федоровна, пояснила:

— Динкина работа.

Дина была смущена моим приходом и чувствовала себя

очень скованно. Мария Федоровна отправила внучку на улицу, а меня усадила пить чай. За чаем она разговори-лась и вот что рассказала.

— Я вот слышу, что мою Динку Дингой кличут. Отчего это? Или по фамилии, или что неразговорчивая такая?.. Стеснительная она у меня. А в последнее время совсем за-грустила. По дому, видать, тоскует. Кроме Дины, у мате-ри еще двое детей... И отец у Дины неродной... Вот и взяла я ее себе. Да вот только заме-чаю, что каждый вечер доста-ет она свою потайную тетрад-ку и пишет в ней что-то.

Бабушка замолчала, ее се-дая голова склонилась над столом.

Со двора пришла Дина с огромным букетом цветов. Она смущенно улыбнулась, протянула мне цветы:

— Это вам от нас с бабуш-кой. Бабушка всегда говорит, что нехорошо, когда гость ухо-дит пустой.

— Спасибо, Дина.

Декабрь гулял по поселку метелями. Бывали дни, когда мороз доходил до сорока гра-дусов. В один из таких де-кабрьских дней, когда ветер завывал по-волчьи, я опозда-ла на классный час. Подходя к кабинету, я услышала шум и крики. Потом вдруг все стих-

ло. Дверь была чуть приот-крыта. Посреди класса стояла Дина, была она бледнее обыч-ного, губы ее дрожали.

— ... Вы думаете, что если я тихая и незаметная, значит, меня можно дразнить, можно толкать и оскорблять, и дума-ете, что так и надо? Да, я вам ничего не говорила, но только потому, что не хотела ссорить-ся. Вот вы все здесь живете давно, кажется, должны бы дружить, но где ваша дружба?

Я вошла в класс. Подумать только, на что способна эта ти-хая девочка: отчитала наших молодчиков. И классный час я провела на тему: «Моя буду-щая профессия». Спросила и Дину, кем она хочет быть в бу-дущем. «Учителем», — робко ответила она.

Первый день каникул. Сколь-ко радости получить дневник и увидеть, что ты уже семи-классник!

Но именно в этот день стряслось несчастье. Получив дневники, ребята высыпали на улицу. Дина и Люба пошли до-мой вместе. Вдруг Люба толк-нула Дину.

— Смотри, горит!

Полыхал старый заброшен-ный сарай.

— Ой, Любочка, бежим, там ведь всегда играют ма-лыши.

Девочки прибежали первы-ми. Почти все взрослое насе-ление находилось на работе. Около сарая толпилась детво-ра дошкольного возраста. Все громко кричали.

— Там кто-нибудь есть вну-три? — спросила Дина.

— Танька не может вы-лезти.

Дина бросила портфель и кинулась в полыхающий са-рай.

— Таня, Таня, где ты? — звала Дина.

Но девочка не откликалась.

Дина задыхалась от дыма, кашляла. И вдруг наткнулась на что-то мягкое. Это была Таня.

Когда прибежали взрослые, Дина выходила из сарая с де-вочкой.

Лицо, руки, одежда были черны. Дина ступила еще шаг и упала на руки подросевшим женщинам.

И Динку и девочку увезли в больницу. У обеих были тяже-лые ожоги.

Три дня и три ночи у постели Дины дежурили одноклас-ники. На четвертые сутки Ди-на пришла в сознание. Ребята принесли ей огромный букет цветов. И в цветы положили записку: «Милая Дина, прости нас. Мы сделаем для тебя все, что будет нужно, лишь бы ты выжила. Твои одноклассники».

Людмила ГРИШКИНА
Рисунки А. Януса

У НАШЕЙ РЕКИ

РАССКАЗ

Александр САХАРОВ

Рисунки Т. Соловьевой

НА ЛУГУ И В ТАЙГЕ.

Мы живем на самом берегу — до воды два шага с четвертью.

Наш отец лесник, а мама — просто мама.

Вокруг заимки на все стороны тайга, тайга и кое-где, как острова в море, — сопки.

Тайга, даром что без края — разве несмышленыш заблудится.

Подошел к сопке и гляди.

Если высокие синие кедры, ели, лиственницы в лишайниках — значит, северный склон, а перевалишь — иное: липы, под ними жасмин и виноград дикий плетями, сирень.

У нас в лугах заплутаешь скорее.

Трава густая стеной — мне по грудь, Ваську же, младшего брата, укроет с вихрами.

Потому и не позволяет мама в лугах без дела шататься ему — ростом не вышел, мол.

В тайгу — пожалуйста.

СО СКУКИ

Прошлым летом в июле мы с отцом ушли косить на зиму сено вниз далеко по реке, остался Василий один — скучно, — и вот что вышло.

За перекастом плес под рыжей кручей, тихая заводь и липы над берегом, старые, толстые, все в черных дуплах еще у первых ветвей.

Случаем подглядел Васька, что в липах утки-японки устроили гнезда.

Японки — древесные утки и по-настоящему, в книгах, зовут мандаринками их, а мы так.

Плавают, крутятся на волне в камышах японка, выйдет на отмель — взлетит к дуплу, пылает под солнцем: хохол разноцветный, на крыльях зеркала желтые, как подсолнух, а клюв красный-красный, будто земляники облепась.

Мы и раньше за ними подглядывали — в прежние годы.

Я такое помню.

Высунулась из гнезда японка, огляделась и — плюх! — на воду.

Покрутилась недолго и вышла — стоит под дуплом, побрякивает, сама вверх глядит.

Вдруг из дупла — едва-едва не на нее — утенок комком, за ним другой, вроде парашютиста, и ковыляют неловко к воде.

— Обязательно нужно нам утку такую в домашнем хозяйстве, — решил рачительный Василий, — а то не утки на дворе — страхолудие: тошно смотреть.

Хорошо бы яйцо одно у японки похитить из гнезда тайно и под нашу белую утку. Она выведет в срок утенка и наверняка сама изумится красивому ребенку — нечаянная радость.

Смушало одно.

Липы-то, каждая обхвата в три, и никак не взобраться к дуплу без посторонней помощи: высоко и гладко.

Из мамы помощник никакой, а время не терпит.

Высидит японка самостоятельно дитя, и пиши пропало — скроет в зарослях без следа.

И НАШЕЛ

Несколько дней кряду ломал голову Васька, не спал ночами: лестницу не дотащить — слабосилен, и не взобраться — руки короткие и ни единого сучка.

Ну, а все же устроилось дело — видно, уж очень хотел.

В стороне от обрыва, в кустах бересклета, в чаще высмотрел настойчивый Васька липу потоньше других, но тоже с дуплом.

Сердце упало.

Наконец-то...

СКОРО УЖЕ, СКОРО

В дупле, и правда, на мягкой теплой трухе пять желтоватых яиц.

Васька выбрал одно осторожно — что побольше — и слез, сполз кое-как по стволу до земли, не упал.

Хоронясь, ничего не сказав маме, сунул он яйцо под нашу семейную утку, и она приняла его без тени сомнения, грела своим теплом.

День промелькнул, другой, третий...

Утром однажды глядит Васька, а за уткой утята пушистой компанией, словно детский сад.

Василий — в хлев.

Японкино яйцо на положенном месте и, вроде бы, если приглядеться со вниманием — тонкая трещинка поверху — паутинка иль нитка.

— Скоро уже, — мечтал о лесном красавце повеселевший Васька, — скоро.

А то известись можно.

НАКОНЕЦ-ТО...

И дождался — всему бывает конец.

Пришел на завтра провести долгожданного любимца, а там...

В скорлупе дырка, точь-в-точь дупло, и головка оттуда торчит неизвестная — черная, с глазами блестящими, круглыми, язык раздвоен.

Змея!

Ладно хоть, мы с отцом вернулись как раз к происшествию, а то бы не стерпела мама этого нового домашнего животного.

Васькин красавец оказался при рассмотре-

нии недовитым полозом в коричневых по спине пятнах.

Мы ему дали молока в блюдце, и он до вечера не мог научиться пить.

САМАЯ ДЛИННАЯ КОШКА

Неделю от зари до зари мы потешались над Васькой, кто во что горазд — прозвали его «Змей», а полоз тем временем рос. Испугается чего-либо — петуха при шпорах, к примеру, и в скорлупу во весь опор прятаться, как в крепость.

Ошибется в спешке адресом — дело обычное — сидит, забьется в утиную скорлупу.

Так и прожил у нас до осени, до листопада — вырос и пышно оделся в желтую перевязь от головы до конца.

Полоз недовитая змея, а все же...

«Уползет восвояси», — надеялись мы на лучшее, и мама в особенности.

А он не ползет — ноль внимания.

Как-то раз к скворечнику стал подбираться — понятно, с преступной целью.

Они — полозы — по деревьям здорово лазают, лучше Васьки, могут даже с ветки на ветку.

Мы отогнали его, а он злится, шипит, как каленный утюг перед праздником в кухне, но не уходит от нас со двора. Вероятно, привык.

Куда-то исчезнет порой на часок, а к ужину, смотришь, лежит на дровах, греется — солидный, сам не тоньше полена.

Он и работу по дому себе подыскал — ловит в подполье мышей, точно кошка.

А на «кис-кис» не откликается, хоть сколько зови — мы пытались от нечего делать: я и папа.

И неприметно длиной вымахал в три здоровых кошки — это на первом всего лишь году.

«Что-то дальше будет?» — раздумывал я.

И вышло — зря, необдуманно мы надсмехались над Васькой тогда почти всей семьей.

Не ведали, что так обернется.

Полоз на нас и не глянет теперь — якобы посторонний, а за Васькой — как хвост.

— Он, чего доброго, и в школу за ним на следующий год потащится, — загадя болеет мама душой, а мы молчим с отцом: нам досталось на днях, не до разговоров.

Вдруг озадачил Василий нас: говорит насчет скворечника, что никаких преступных целей у полоза не было — обожает художественный свист и музыку. Вот и лез в первый ряд — к солистам ближе.

— Весельчаки! Пушистого всякого зверя круглый дурак полюбить в силах, а вы такого попробуйте...

Словом, про папу не знаю, а я пробую, согласно приглашению — выходит, кажется.

Да и, вроде, не трудно бы это: ведь, если подумать — он же живой, красивый, ползает стройно — зверь как зверь.

И потом.

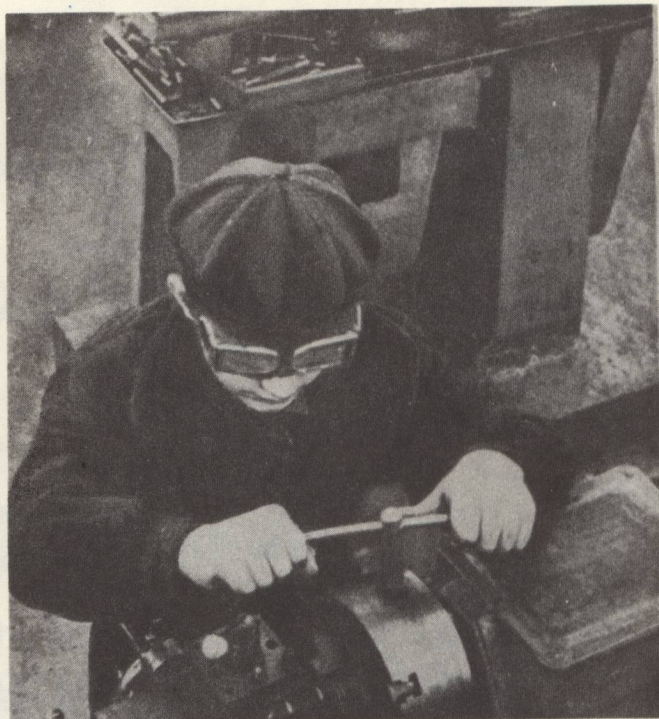
Отчего же он не уходит в тайгу?

Наверное, тоже о нас что-то думает.

Юра Школьников, Галя Небогатова и Коля Холодов учатся в Барнаульском железнодорожном профессионально-техническом училище

Это ключ от новой школы, которую подарили ребятам строители Северобайкальска

Урок труда в железнодорожной средней школе № 49 Псковской области

ОКНО ПЯТИЛЕТКИ

Каждый из нас собирается прожить свою жизнь достойно.

Чтобы добром вспомнили.

Иначе — стоит ли?

Только как это сделать?

Буратино, помните, — искал золотой ключ счастья. А мы? Разве не этот ключик мы ищем? Его, именно его.

Но вот ведь в чем дело, ребята, у каждого он свой.

Одни ваши сверстники учатся водить тепловозы, другие — точить детали, третьи — воспитывать собак для пограничников.

А самые первые шаги в поисках золотого ключика начинаются откуда? Не с порога ли родной школы?

Фото Э. Брюханенко, О. Галушко,
А. Овчинникова, В. Садчикова

Восьмиклассники школы № 1 Южно-Сахалинска Слава Со и Сережа Злобин со своими питомцами

САЛЮТ

В ДЕРЕВНЕ

ВЕЧЕР

„ОСТРОВ
СОКРОВИЩ“
Иллюстрация

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Перед тобой чистый лист бумаги, разложены краски, цветные карандаши, в банке чистая вода. Карандашом делаешь легкий подготовительный набросок и начинаешь раскрашивать. Это, конечно, самое интересное. Синие, желтые, красные краски ложатся на лист, и вот уже под твоей кистью шумит лес, летит ракета в космос, идет в атаку непобедимая красная конница. Ярко, красиво!

Но подожди, а если не раскрашивать? Если попробовать обойтись простым карандашом?

Помнишь праздничный салют на Неве? Сколько там красок! Горят факелы на Ростральных колоннах, развеваются флаги на кораблях, гуляют нарядные люди на набережных.

И вдруг залп! Взлетели в небо волшебные огни. Все осветилось!

Именно так и нарисовал все это **АНДРЕЙ КОЗЛОВ**. Нарисовал с чувством восторженного удивления. Он видит салют впервые. Замечательный рисунок. Обратите внимание — именно рисунок. Убедительно и красиво легли на бумагу сочные карандашные штрихи!

Переходов тона от белого к серому и от серого к черному оказалось достаточно, чтобы правдиво передать такой, казалось бы, созданный только для живописи сюжет.

Андрею 11 лет. Он живет в Ростове-на-Дону. Приезжал с родителями в Ленинград. Жил здесь, учился. На Неве первый раз увидел праздничный салют и нарисовал его.

В своих работах Андрей хотел передать все конкретно: и место, где происходит действие, и время года, и даже время суток.

...На деревню спустились сумерки. Четкие силуэты домов вырисовываются на фоне неба. Свет, льющийся из окон, лег на пушистые сугробы. На пруду мальчишки играют в хоккей.

У Андрея много зимних деревенских пейзажей. И как они отличаются от ленинградских! Здесь все подчинено другой задаче — передать сказочное состояние вечерней темноты. Мгла скрадывает все детали, трудно разглядеть, где небо сливается с заснеженным полем. И карандаш ложится уже не трепетной линией — обобщенным черным пятном, подчеркивая только силуэты избы с резными коньками на крыше и дерево на фоне звездного неба.

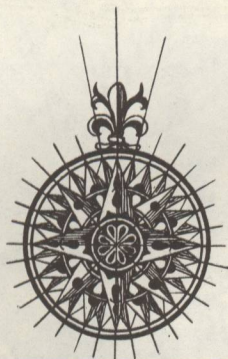
Но не только впечатления об увиденном собственными глазами становятся темой рисунков. Мальчик много читает, читает те же книги, что и вы, поэтому, посмотрев его иллюстрации, и вы можете сопоставить образы, сложившиеся в воображении, с теми, которые создал Андрей.

Около таинственного берега покачивается в море шхуна. Волны разбиваются о прибрежные камни. Тревожно кружат чайки, пираты разлеглись на палубе. Ветер наполнил парус, но им нет до этого никакого дела. Вооруженный человек в треуголке пробирается сквозь прибрежные заросли, а в кустах белеет скелет...

Узнали? Конечно, это «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона.

Хочется выразить свои чувства, мысли. Не хватает одного рисунка, чтобы отобразить полностью впечатления? Андрей берется за другой, третий, четвертый... Вот они — «По Ленинграду», «В деревне», «Остров сокровищ». Как, по-вашему, — удались?

А. ХАРШАК

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. Попова

Год издания — 20-й

БАТАРЕЯ ОТВАЖНЫХ

По заданию редакции «Морской газеты» юнкор Вадим Парфенов побывал у контр-адмирала в отставке Василия Емельяновича Ананьича. Вадим записал рассказ контр-адмирала.

«В 1942 году фашистский линкор «Адмирал Шеер» прорвался в наши северные моря, подошел к острову Диксон и начал обстреливать порт.

В это время орудия крупнокалиберной батареи острова как раз грузили на баржи, чтобы перебросить в другой порт. Однако, заметив подходивший вражеский линкор, артиллеристы не растерялись. С большим трудом они выкатили тяжелые орудия обратно на берег и тотчас открыли огонь по фашисту. Командовал храбрыми артиллеристами старший лейтенант Корняков.

Метко стреляли артиллеристы. На «Адмирале Шеер» начался пожар. Линкор с позором покинул наше море.

Вскоре отважных батарейцев представили к правительственным наградам, а меня послали на Диксон вручить им эти награды — ордена и медали».

В. Е. Ананьич с артиллеристами острова Диксон, 1942 год

ПРО ТАНКЕРЫ

ВЫШЕ ДОМА

Если новый советский танкер «Кубань» поставить рядом с шестнадцатитэтажным домом, то с верхней надстройки танкера как раз можно заглянуть на крышу этого дома. Вот какая высота. А длина? Длина «Кубани» — около трехсот метров. Захочешь прогуляться с носа на корму и вернуться обратно, задумаешься: идти или нет? Прогулка-то займет едва не четверть часа!..

Сколько же нефти вмещает танкер-гигант? Содержимое поезда длиной в тридцать километров может увезти «Кубань» в своих цистернах-танках.

Греческие конструкторы задумали построить самый большой в мире танкер: водоизмещением в один миллион тонн!

Но когда всё рассчитали, увидели: танкер будет так глубоко сидеть в воде, что ни в один порт не войдет! Как же его разгрузить? Конструкторы решили: танкер будет разборным.

Каждый из «кусочков» буксиры подведут к берегу для разгрузки.

КУПИТЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

С одного большого танкера в порту приняли радиogramму: «Прошу закупить сорок велосипедов. Капитан». Решили, что это шутка.

Танкер подошел к причалу, капитан спрашивает:

— Велосипеды купили?

Оказалось вот что: матросы танкера за день, сбегав несколько раз из конца в конец танкера, еле дышали... Капитан придумал: «Пусть ездят на велосипедах. Не устанут, и быстро...»

У нас, мальчишек, которые ходят в самодеятельный кружок, есть хороший старший друг — Александр Лаврентьевич Логунов. Он работает в Омском речном училище. Каждый год летом мы ходим с Александром Лаврентьевичем по Иртышу на шлюпке. Есть у нас и паруса, и мотор. Ходим далеко, поднимаемся до Усть-Ишима. Из каждого похода привозим много интересного и даже смешные истории. Мои друзья Сережа Савин и Коля Гальцов еще любят радиодело, а я увлекаюсь спортом...

Валерий Пахомов,
14 лет, Омск

В нашей морской школе много ребят. Занятия идут в классах радистов, механиков, матросов, электриков, мотористов.

Сейчас мы проходим непотопляемость судна и готовимся к настоящим плаваниям. Летом выйдем на практику в море.

Аркадий Першин,
13 лет, г. Жданов

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ АРМАДЫ

Сережа Любарев,
14 лет, г. Люберцы
Московской обл.

Загадка

Однажды на одном корабле случилось так, что было на нем одновременно и середина лета и середина зимы. Кроме того, часть экипажа пребывала в девятнадцатом веке, а часть — в двадцатом. Календари же на корабле показывали разные даты. Подумайте-ка, друзья, могло ли такое быть?

Капитан БЫСТРОХОДОВ

КОРОТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Николаевская детская флотилия пополнилась новым теплоходом «Георгий Седов». Теплоход ребятам подарили моряки торгового флота. Рабочие-судостроители отремонтировали «Георгий Седов».

Летом теплоход уйдет в далекие походы.

ПОДАРОК

Французский художник Валантен Ле Кампион учился трудному искусству гравирования у русских художников. В детстве Ле Кампион много читал. Прочитав интересную книгу, мальчик делал из пластилина маленьких человечков — героев книги — и играл в них. Для человечков он лепил и лошадей и корабли — все, что было нужно для продолжения приключений. Может быть, поэтому, когда Ле Кампион стал прославленным гравером, он так охотно иллюстрировал книги, где сражались мушкетеры, мчались всадники и ветер раздувал паруса кораблей...

Когда художник умер, его жена подарила Ленинградскому Эрмитажу гравюры Ле Кампиона и книги с его иллюстрациями.

Р. ПОПОВ

УЖАСНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Супер-танкер подходил к Нью-Йорку. Слева приближался скалистый берег. Навстречу полным ходом шел другой танкер-гигант...

Капитан первого танкера скорее командовал:

— Право руля! Малый ход!

Его длиннющий танкер начал медленно поворачивать. И тогда капитан заметил, что справа подходит третий танкер!

— Полный! Полный назад! — вскричал капитан первого танкера. Винты вспенили воду, но было уже поздно! Два танкера столкнулись, третий, чтобы избежать столкновения, выбросился на скалы...

Что же было дальше-то? — спросите вы. Дальше моряки... пошли обедать. «Ужасное столкновение» произошло на небольшом озере во Франции, где обучают будущих капитанов больших танкеров.

Капитан сидит в движущейся модели танкера величиной с лодку. Берега озера точь-в-точь как берега где-нибудь возле мыса Горн, или Суэцкого канала, или других трудных для плавания мест. Только все здесь маленькое, игрушечное, а волны и течения искусственные.

ПАРУСНИК ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА
Гравюра Валантена Ле Кампиона

Давайте совершим сегодня путешествие на транспорте десятой пятилетки. Согласны? Очевидно, вы приготовились расположиться в салоне новой модели автомобиля «Жигули» или в кабине могучего детища Камского автозавода? Нет, наша сегодняшняя поездка обещает быть несколько необычной.

Слышите вертолетный шум за бугром? Быстрее туда — там нас ожидает газотурбинный... грузовик белорусских автомобилестроителей. Ну и машина — гора! Такой не место на городских улицах. Двести тонн руды берет в свой необъятный кузов этот силач с мотором в шесть раз более мощным, чем у знаменитого трактора «Кировец». Заметим, что двигатель у этого самосвала и вправду вертолетный, только уже отработавший свое в воздухе. Новый грузовик бу-

ров, новые машины достигли предела скорости для пассажирских самолетов. Следующим скоростным видом транспорта будет разве что спутник!

А нынешние самолетные скорости возьмут на себя поезда. Ну, например, турбовозы — пассажирские составы с самолетными двигателями. Газотурбинные локомотивы не смогут двигаться по обычному железнодорожному пути — ведь их скорость превысит триста километров в час. Для них нужна воздушная или магнитная подушка.

Пересадка. Через минуту дается направление пассажирскому экспрессу, который мчит со скоростью воздушного лайнера. Это электропоезд, но в отличие от обычного мотора на нем стоит линейный асинхронный электродвигатель, который не имеет вра-

жаемых, различных товаров, жидких грузов. Затраты энергии при этом в сто раз ниже, чем при всех других способах перевозки. Такой «второй метрополитен» уже есть в Грузии, его строительство началось в Ленинграде. А в Москве груз по трубам станут доставлять к привокзальным почтам и в аэропорты.

Как видите, наш маршрут и в самом деле удивительный. Да, советская наука и техника в новой пятилетке готовят настоящий «транспортный взрыв». А теперь мы познакомимся с транспортными средствами, которые, может быть, и не найдут широкого применения в промышленности, но тем не менее очень интересны. В путь!

Там, где еще лежит снег, встанем на лыжи, а за спину повесим пропеллер. «Патент» на этот ранцевый аэродвижи-

ТРАНСПОРТ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ЧУДЕСА ВОКРУГ

дет работать на рудниках. А это значит: больше руды, каменного угля и других ценных материалов получит наша промышленность.

А теперь оторвем колеса от земли — подъем в небо. Его совершим на первом сверхзвуковом лайнере Аэрофлота «ТУ-144». Какой нас здесь ждет сюрприз? Мы обгоним время! Из Хабаровска вылетаем в два часа ночи первого мая — только бы не опоздать к празднику. Не беспокойтесь, в Москву мы прилетим еще в... апреле. Да, да, в десять часов вечера тридцатого апреля.

Новый самолет уже не сравнишь со стальной птицей. Это скорее ракета сразу для ста сорока пассажиров. Она проносится над землей на высоте двадцати километров со скоростью две с половиной тысячи километров в час. Рядом с летчиком тут сидит необычный «второй пилот» — робот. По мнению конструктора,

двигающихся частей. Движение поезду он сообщает силой бегущего магнитного поля. Фантастика? Отдаленное будущее? Нет, сегодняшний день! Новые двигатели уже поднимают скоростной лифт Останкинской телевизионной башни в Москве. А первой скоростной наземной магистралью будет кольцевая дорога, которую намечено построить в Киеве.

Наш поезд затормозил перед трубой огромного диаметра. Газопровод? «Нет, пассажиропровод», — уточняет главный конструктор нового вида транспорта московский инженер А. М. Александров. Вагон с пассажирами мчится по этой трубе словно поршень, подгоняемый ураганным ветром. Упало давление — остановка. Теперь мы можем спокойно осмотреть странный вагончик, у которого колеса размещены даже на крыше.

Пневмотранспорт годится для перевозки полезных ис-

тель позаимствовали у сказочного Карлсона студенты Марийского политехнического института. Снег слишком рыхлый? Тогда превращаемся в пингвинов — эти птицы по глубокому снегу передвигаются с рекордными скоростями. Они скользят на брюшке, отталкиваясь лапами. Железный «ластоход» уже построен в Горьком. Имя у него «Пингвин».

Подобная техника окажется кстати лесникам, геологам, оленеводам.

На пути — полоса открытого льда. Не страшно — садимся на... весла. Аппарат для гребли по льду изобрел ленинградец В. Смиренский. Суденышко скользит на двух цилиндрах с винтовыми ребрами. Мускульная энергия с помощью весел-рукоятей и шестерен и заставляет эти цилиндры вращаться. Вот, скажете, никчемная диковина. Но подобные «ледоходы» в ближайшие годы получат спорт-

смены-гребцы для зимних тренировок.

Чем дальше мы движемся, тем больше в нашем распоряжении чудесных транспортных средств. Вот вибротягач — стальная коробка, которая из всех сил трясется и одновременно тянет за собой по тундре груз в десять тонн. Вот робот изобретателя Г. Катуса, позволивший нам перешагнуть широченную расщелину. Вот мягкокрыл молодого авиационного инженера Анатолия Клименко — ни дать ни взять «голубь», запущенный из школьного окна конструктором-пятиклассником... Все эти новинки для разных целей нужны буровикам, космонавтам, спортсменам, а потому их выпуск будет налажен в этой пятилетке.

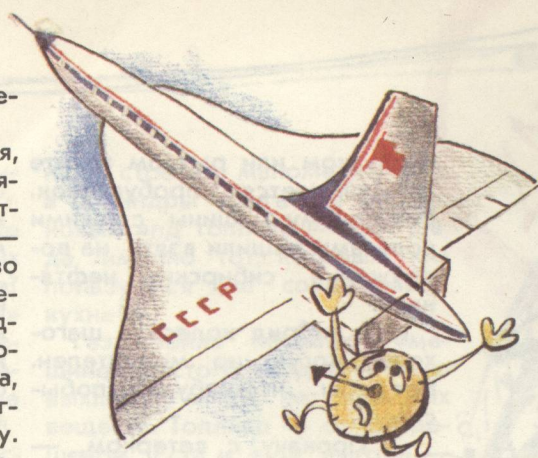
Всевозможных средств, помогающих нам побороть расстояние, не перечислить. Да-

КОЛЕСА

вайте поведем речь только вокруг колеса.

«Не изобретайте колеса!» — с детства слышим мы советы. И не изобретаем. А зря! Например, инженеры Ленинградского механического института М. Горбешко и В. Романов взяли да сконструировали колесо, способное с одинаковым успехом катиться и топтать по дорогам.

Машина, оснащенная стопоходящими колесами, может встать на «цыпочки» или переступить с «пятки» на «носок». Призовем на помощь воображение. Представьте, что весь обод колеса разделен на отрезки-«подшвы». Каждая у «пятки» крепится шарниром. «Носок» же свободно отстает от ступицы колеса. А двигают его изнутри особые «мышцы» — поршни гидроцилиндров. Толчок «носком» — и колесо чуть-чуть прокатилось. Затем в движение приходит другая механическая стопа. У шагай-колеса на самом

скользком или рыхлом грунте не случается пробуксовок. Вот почему машины с такими колесами решили взять на вооружение сибирские нефтяники.

Наш гибрид колеса и шагохода могуч, но медлителен. Вот бы что-нибудь побыстрее!..

— Прокачу с ветерком, — говорит молодой конструктор Эдуард Мельников и подкатывает к нам громадное колесо с мотором.

Представьте: катится по сельской дороге обруч, а внутри по нему — мотоцикл. Именно такую моторизованную «белку» нам и довелось оседлать. Удобно! Даже на буграх не подкидывает. Можно ехать и без руля — достаточно чуть перенести собственный вес в ту или иную сторону. Такой вездеход появится скоро на селе!

— Зато моя велояхта не издает никакого треска! — подключается к разговору другой конструктор, Аркадий Резцов. — На двухколесную машину я поставил два паруса — грот и стаксель. Управляются они на ходу шнурами-шкотами. Прекрасное средство передвижения для степных районов страны.

Опровергнуто и еще одно житейское правило: «Не изобретайте велосипед!» Велосипеды в нашей стране вовсю изобретаются. Последняя пятиколесная модель для езды по проводам электропередач создана в Ленинграде. Начался ее серийный выпуск. Раньше монтеры-электрики ходили в поднебесье пешком, будто заправские канатоходцы. Теперь в их распоряжении седло и педали.

С небес — на землю! Перед нами прекрасная автострада. Мы в машине, на крыше которой топорщатся полупроводниковые пластины, превращающие энергию света в электрический ток. Ура, нас везет Солнце!

Солнечная машина узбекских ученых — одна из вереницы отечественных электромобилей.

Другая новинка — из Еревана — чем-то напоминает «Луноход» — как и там, каждое колесо машины имеет собственный двигатель. Не пропадешь с такой в горах!

Электрический «Тянитолкай» построен во Львове. Захотели, в одну сторону поехали на бензине, в другую — на аккумуляторах.

По Харькову мы пронеслись на электромашине, созданной гонщиком Владимиром Никитиным. На спидометре — 150 километров. Дух захватывает. А учащиеся Ленинградского электромеханического техникума промчали нас на юрком электророллере...

Сразу видно, что у машин без бензобака большое будущее!

— Вы правы, — подтверждает наш очередной попутчик член-корреспондент Академии наук СССР В. Б. Александровский. — Да оно и понятно: бегают эти машины без дыма и шума. Устроены просто. Даже младшеклассник справился бы с их управлением. Электросамоходы уже начали наступление на городской транспорт.

Между тем Валентин Борисович вез нас на «Москвиче» по проспектам и набережным Ленинграда. «Москвич»? Нет. Под капотом вместо мотора работала настоящая... химическая лаборатория. Там шло окисление белого металла магния, а получался — ток! Без подзарядки этим «топливом» машина-реактор запро-

сто прошла сто пятьдесят километров.

В нашем автосалоне еще множество четырехколесных чудес. Что же это за чудеса? Это машины, «питающиеся» углем, водородом, газом, паром и даже спиртом. Выставочные экземпляры? Как бы не так!

О водородном топливе рассказывает наш новый «водитель» — академик В. В. Струминский:

— Легковушки и грузовики, работающие на сжиженном водороде, уже можно встретить в Новосибирске. Учтите, конструкция серийных машин подверглась лишь незначительной переделке. Небольшой баллон с водородом плюс кислород, извлекаемый из воздуха, — вот и все, что нужно для надежной работы двигателя. Выигрыш? Идеально чистая атмосфера города.

нула стрелка манометра. Это в цилиндры двигателя пошел новый вид топлива — газ. Да, да, именно тот, которым мы пользуемся на современной кухне!

Газомобиль называют «машиной чистого воздуха». В его выхлопах почти нет вредных веществ. Топливо — самое дешевое. Есть и еще выгода — меньше изнашивается двигатель. И при этом ни малейших потерь в скорости, тяговой силе. В первом же году пятилетки в столице будет больше тридцати тысяч таких машин. А к концу пятого года на газ перейдут все крупные автопарки Москвы. Появятся газомобили и в Киеве, Волгограде, Каунасе, Алма-Ате, Омске, Сочи, Одессе...

И, наконец, мы пересели на четырехколесное чудо, где не было вообще никакого топлива, никаких батарей. Машина

Ведь продукт сгорания водорода — вода. Причем, самая чистая, дистиллированная!

Справедливости ради надо сказать: водородные машины — не последнее слово в технике. Еще в годы войны они помогали жителям осажденного Ленинграда экономить дефицитный бензин. А в Москве тогда же появились автомобили, у которых вместо привычного бензобака был укреплен ярко-красный баллон. На такой машине нам и посоветовал прокатиться сегодня руководитель отдела Мосавтотранса В. В. Золотарев.

— Смотрите, — сказал Виктор Васильевич, — я поворачиваю вентиль в кабине. Дрог-

лихо набирала скорость. Поскрипывая, тормозила на поворотах. На этот раз гидом оказался Нурбей Гулиа, сотрудник Курского политехнического института.

— Машину движет волчок, — сказал ученый. От детской игрушки его отличают только размеры. Электромоторы подкручивают этот движитель только во время остановок. Минута, другая — и мы запаслись энергией на сотни километров пути. Этот вид транспорта — самый дешевый, он совсем не отравляет атмосферу. Вот почему в нынешней пятилетке его намечено развивать.

В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунки А. Януса

МОЙ ДРУГ МОХАН

Римма БАРАННИКОВА

Рисунки В. Бродского

Окно распахнуто в сад. Магнитофон бросает в сумерки: «Не слышны в саду даже шорохи...» И кажется мне, что я не в Дели, а где-то на Карельском перешейке под Ленинградом.

...Не слышны в саду даже шорохи...

Слышны! И под самым окном...

Кто это?

Выглядываю в сад, отодвинув цветущую ветку, и, забывшись, спрашиваю по-русски: «Кто здесь?»

Испуганные черные глаза и яркие белые зубы блеснули в смущенной улыбке:

— Бахот ацца гит!..

Да это Динеш! Сын прачки. Он часто приходит с матерью, помогая ей тащить огромные узлы с бельем.

— Хорошая, говоришь, песня? Хочешь, я поставлю ее еще раз?

— Очень хочу, мем саб...

— Так иди сюда, иди в комнату.

Решительно трясет головой:

— Нет, мем саб, не надо. Я отсюда...

— Ну что ж, — соглашаюсь я, потому что знаю — не уговорю, ни Динеш, ни его мать Рани никогда не переступали порога моей комнаты. Они не входили даже в дом. Всегда стучал во входную дверь привратник, громко возвещая:

— Прачка пришла, мем саб!

Я выходила в сад, и мы обменивались с Рани пакетами: я отдавала ей грязное белье, она мне — чистое, безупречно белое и мраморно-прохладное от крахмала.

Но когда она пришла ко мне с Динешем, очень стройным и красивым мальчиком, удивительно чистой, хоть и залатанная одежда которого служила наилучшей рекламой искусства его матери, я пригласила их пройти ко мне в комнату: мне хотелось угостить Динеша и что-нибудь подарить ему.

И мать, и сын посмотрели на меня с таким недоумением и так решительно отказались от приглашения, что я поняла: эти бедные люди не привыкли быть гостями «важных белых господ»...

Магнитофонная лента вертелась, мы с Динешем слушали прекрасную песню — он, прислонившись плечом к ашоке, я — облокотившись на подоконник и глядя на мальчика, и оба улыбались. Песня окончилась. Я выключила магнитофон. Или нет? Чистый и высокий голос продолжал песню, песню без слов, выводя мотив правильно и чутко.

— Динеш! Это же... Ты впервые услышал эту песню?!

— Да, мем саб, конечно! Очень хорошая песня! Вот только слова...

— Хочешь, я научу тебя словам?

— А как?

— Ты умеешь читать?

— Да... Я в пятом классе! — Мальчик оторвал плечо от дерева и выпрямился. Маленький и гордый.

— Так я могу написать тебе русские слова шрифтом деванагари...

— Ой, как хорошо! Спасибо, мем саб! — Динеш хлопнул в ладоши и выжидательно заглянул мне в глаза:

— Сейчас?!

Прошла неделя. Погода в этом феврале удивительная — прохладная и ароматная. Особенно хороши вечера, и я проводила их либо в саду, либо в комнате у распахнутого окна.

«Не слисни ф саду дадзе сорокхи»...

— Динеш! — засмеялась я и выглянула в окно.

Мальчик стоял под окном, сияя всеми своими зубами. А в глазах его прыгали смешинки:

— Не отгадали, мем саб! Это не я пел!

— Кто же?! — я недоверчиво и недоуменно обвела глазами сад.

— А вот он, — Динеш протянул руку за толстый ствол ашоки и вытащил на свет, падавший из окна, маленького маль-

чика, который упирался, хватаясь руками за ветки.

— Здравствуй! — Я улыбнулась. — Так и тебя Динеш научил этой песне?!

Мальчик ничего не ответил. Он стоял с опущенной головой и все время дергал плечом, в которое вцепились пальцы Динеша.

Рядом с этим парнишкой Динеш казался смелым и разговорчивым:

— Его зовут Мохан. Он боялся идти. Он мой друг. Поет просто замечательно. Так поет, что его даже называют Коял — индийская кукушка, знаете? Вот как он поет!

— Что же ты боялся, Мохан?

И снова на мой вопрос ответил Динеш:

— А потому, что он хариджан!

Мохан вздохнул. Как всхлипнул. Следом за ним вздохнул и Динеш:

— А я все равно с ним дружу!

— И правильно делаешь. Если он хороший друг. Так что из того, что он хариджан?

— Конечно, ничего... Я ему все время говорю об этом. Но он боится, стесняется, что хариджан...

Мохан метнул на друга сердитый взгляд и так сильно дернул плечом, что сбросил с него руку Динеша:

— Не стесняюсь я... Я только

не хочу, чтобы меня прогоняли...

— Мем саб не прогонит! Правда, мем саб?

— Конечно, не прогону, дружок! — Я погладила Мохана по черным кудрям и попросила:

— Спой, Мохан!

Мальчик улыбнулся:

— А можно мы вместе?

— Давайте вместе...

Как же хорошо они пели! Но слова! Слова! Они коверкали их безжалостно.

— Давайте, я поучу вас правильно говорить слова. Повторяйте за мной...

Ночь. Окно открыто: на ночь не запирается рискованно — кошки, обезьяны... Даже днем крали то мыло, то полотенце. Чистюли! Томик стихов раскрыт на той же странице, на которой я остановилась, услышав песню маленького хариджана. Я сижу и думаю. Думаю тяжело, с болью и грустью. Хариджаны. Они же — неприкасаемые. Они же — внекастовые. Просто не люди. Прикоснуться к внекастовому — значит, осквернить себя. Даже тень — подумать только, — даже тень неприкасаемого может «испачкать» горшечника, маслбоя, кожевника... Любого! И надо скорее бежать смыть с себя грязь от этой нечистой тени! Значит, только ночью может выползти из своей конуры неприкасаемый, убирать нечистоты, подметать улицы, по которым он не смеет ходить днем, очищать мусорные бачки и ящики, в которых нет ни одной бумажки, ни одной спички, брошенной им... Уберет и пойдет опять на окраину города в специально отведенные для неприкасаемых места, торопясь уйти с глаз и с дороги «чистых» еще до рассвета.

Звезды совсем золотые. Елочные. А бархат черного неба не дает улететь земным ароматам: пахнет свежестью травы, дарят терпкий запах кусты и деревья, душистые, почти видимые струйки поднимаются над цветочными клумбами.

Я сижу в шезлонге, а на траве, скрестив ноги и выпрямив спины, сидят, словно маленькие будды, Динеш и Мохан.

Мы только что выяснили, что Динеш тоже хариджан, но «верхушка» хариджанов — прачка...

Привыкший ко мне Мохан оказывается смысленным и разговорчивым мальчиком. И не такой уж он и маленький: ему, как и Динешу, двенадцать.

— Я и говорю учителю, — продолжает рассказывать Мохан, — что в Москве вовсе не всегда лежит снег, что там цветут сады и текут серебряные реки. А учитель и спрашивает у меня: «А ты давно из Москвы?» Ну, все смеются, а я отвечаю: «Так в песне поется. И русская мем саб так говорит». Вот он, учитель, и попросил: «А ты пригласи эту мем саб. Пусть она расскажет нам всем...» А я говорю...

— Я приду, Мохан. Где твоя школа?

— Это и моя школа, мем саб! — тихо шепчет Динеш. — Только я вчера не ходил на уроки: стирки было много...

На берегу Джамны, откуда, только пристально всмотревшись вдаль, увидишь высокие зубцы, шпили и купола башен, дворцов, минаретов Дели, лежат цветными заплатами полосы и квадраты выстиранной одежды. А о прибрежные камни бьют женщины и мужчины-прачки жгутами свернутые полотенца, простыни, рубахи и скатерти. Отбивают грязь. Экономят мыло.

До высокого дерева ним, к которому прибита «классная доска», все время доносится разноголосье шлепков и «плюхов»... Маленькие хариджаны — так называл неприкасаемых Ганди, борясь за их равноправие со всеми индийцами, — сидят, поджав под себя ноги, и держат в руках грифельные дощечки. «Божьи дети» — слово «хариджан» именно так переводится на русский язык, вступили на путь равноправия,

но еще недалеко продвинулись по нему...

Окно распахнуто в сад. В моей ленинградской комнате за столом, который я с гордостью заставила индийскими блюдами, сидит мой давний друг Мохан.

— Я так соскучился по всем этим масала! — он намазывает жгучую приправу из мелко-го зеленого перца-чили на рыбу, щедро сдобренную красным и черным перцем. — Вот спасибо! Душу отвел!

Я держу в руках подаренную им книжечку стихов:

— Ты и тогда уже писал стихи?

— Нет, мем саб... Начал писать много позже, — Мохан подбирает куском хлеба обжигающий соус. — В то время я даже не знал, что стихи пишут люди...

— А кто же? — я поражена. — А кто же, думал ты, пишет стихи?

— А никто... Я считал, что они существуют... Ну, как солнце, как воздух, как небо. — И смеется.

— Ты хороший поэт, Мохан! Вот ведь как ты правильно пишешь:

Я обжег свои босые ноги

О бетон безжалостных

дорог...

Ах, зачем, зачем,

ответьте, боги,

Я пошел по жалающей дороге,

Почему тропинкой

пренебрег?

— Хочу быть хорошим, мем саб! — серьезно говорит Мохан. — Но у меня мало времени... Ведь сюда я приехал с делегацией членов Парламента...

— Мохан?!!

— Вот так, мем саб. Сейчас в Народной палате парламента нас, «божьих людей», 77 депутатов...

Я представила, как по Парламентской площади в Дели идет Мохан-депутат, и не могла не улыбнуться своему старому другу.

Десять лет назад
в Куртамышской
восьмилетней школе
Курганской области
организовали
Клуб друзей книги

Очень любят бывать здесь
октябрята:
именно здесь
их научили
беречь и любить книгу

ПУСТЬ ОНИ СТАНУТ И ТВОИМИ ДРУЗЬЯМИ

Если бы Жерве, героя книги Колетт Вивье «Маленький театр», попросили рассказать о младшей сестре, он сказал бы примерно так:

— Я — Жерве из Маленького театра. Обыкновенный французский мальчишка. У меня

есть сестры и три брата. Есть отец, его зовут папаша Кастиль, а вот матери давно нет. Наш дом — на колесах, автофургон под зеленой крышей. И никакого другого дома у нас нет... Всегда колесят бродячие актеры по Франции — от поселка к поселку, от городка к городку. Так и мы. Где зрители добрее, смешливее — там и живем подольше.

«Школа смеха», и правда, развеселое представление, хотя, признаться, отец не без труда заставлял нас играть. Только Флора, младшая сестренка, добровольно участвует в спектакле. Ей бы целый день кувыркаться, прыгать, танцевать.

А вот теперь наш фургон отдыхает. Попал в больницу папаша Кастиль. Без него на братишку Жилия управы нет, он только и твердит, что станет моряком, что любит только мо-

ре. Валентина тоже не заставишь выступать: он мечтает стать кондитером. У Эмили и так полно хлопот с трехлетним Леоном...

Мы души не чаем в нашей сестренке. Она никому не позволяет унывать. Конечно, она

озорная и упрямая, а что же в этом хорошего? Но она добрая, выносливая. Это уже хорошо, правда?

Самое главное у нашей Флоры — умение понять другого человека, поставить себя на его место. Да вы и сами в этом убедитесь, когда прочтете книгу о нас и лучше узнаете Флору.

Василий Михайлович Чичков был первым советским корреспондентом, прилетевшим в Гавану, когда на Кубе победила революция и Кубу стали во всем мире называть Островом Свободы.

События в книге «Пепе — маленький кубинец» разворачиваются задолго до того, как был свергнут режим диктатора Батисты...

— Кафе кальенте! Кафе кальенте! — это кричит одиннадцатилетний Пепе, маленький торговец кофе на улицах Гаваны. Плохо приходится матери Пепе с его маленьким братишкой и сестренкой. Только заработки Пепе да помощь товарищей отца позволяют семье не голодать.

Пепе — бесстрашный маленький кубинец. Его отца держат в тюрьме за хранение листовок с призывами к революции, а Пепе все равно не боится распространять листовки, прятать доставшийся карабин.

Пепе мечтает уйти к партизанам, в горы, но кто же зарабатывает деньги для семьи? Пепе понимает — уйти нельзя!

День за днем все яснее становится Пепе и его друзьям, что революция уже не за горами... В последний день декабря они держат «военный совет», как встречать барбудос, партизан Фиделя.

Бурно разворачиваются события первого дня свободы на Кубе. Радость друзей омрачена тем, что убит в горах Армандо, юный партизанский разведчик, а позже погибает от взрыва в порту отец Пепе. И Пепе клянется отомстить за отца.

Прочтите книгу и убедитесь сами — юные кубинцы беззаветно верны своей Родине.

Л. ПОЖИДАЕВА
Фото В. Гусева

ПОЛОЖЕНИЕ О ВСЕСОЮЗНОМ КОНКУРСЕ „СТРАНА ПИОНЕРИЯ“

Всесоюзный конкурс „Страна Пионерия“ производится в целях усиления пионерской тематики в детской литературе, создания ярких образов пионерских вожakov, показа жизни детей в пионерской организации.

Конкурсные рассказы должны глубоко и разносторонне показывать жизнь и деятельность Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, заботу партии о воспитании подрастающего поколения в духе дружбы народов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, беззаветной преданности делу Коммунистической партии.

Конкурс „Страна Пионерия“ проводится с 20 января по 1 сентября 1976 года. Редакция газеты „Пионерская правда“ принимает рассказы, напечатанные на машинке размером не более 7 печатных страниц. Рукописи, адресованные на конкурс „Страна Пионерия“, не рецензируются и не возвращаются.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:

- одна первая — 300 руб.
- одна вторая — 200 руб.
- одна третья — 100 руб.
- восемь поощрительных — 50 руб.

Авторы всех премированных и отмеченных рассказов награждаются также специальными дипломами ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и грамотами редакции газеты „Пионерская правда“.

Рассмотрение представленных на конкурс „Страна Пионерия“ рассказов возлагается на жюри конкурса.

Решение жюри конкурса представляется на утверждение Секретариата ЦК ВЛКСМ до 1 октября 1976 года.

Итоги конкурса объявляются в газете „Пионерская правда“ в октябре 1976 года.

В колхозе имени Ленина Ржевского района Калининской области есть восьмилетняя Петуновская школа-интернат. Председатель колхоза коммунист Михаил Ефимович Голубев — почетный пионер школы. Его знает каждый ученик! Трудно назвать пионерскую затею, о которой не знал бы старший друг ребят. И в школе он частый гость, охотно выступает на пионерских сборах.

Наш корреспондент записал для БАРАБАНА выступление Михаила Ефимовича, посвященное выбору профессии.

Родом я из этих мест — здесь родился, здесь зимой сорок второго и сорок третьего воевал — на Калининском фронте, в истребительном авиационном полку, всего в восемнадцать километров от дома. А дома так и не побывал... После войны вернулся — дома нет. И не только моего. Деревни нет! Все фашисты разрушили, спалили. А людей сколько погибло... Все пришлось начать сначала. Сады погибли, земля была перепахана снарядами и минами. Совсем недавно две противотанковые мины нашли.

Избрали меня председателем колхоза первый раз двадцать лет назад. Пятнадцать лет — больше, чем каждому из вас сегодня — председателю в колхозе имени Ленина. Вот вы, бывает, недоверчиво слушаете рассказы о том, как мы, ваши родители, после войны работали, как добивались всего того, что у вас теперь в достатке есть... Об интернате тогда, например, только мечтать можно было. Ходили в школу — и в мороз, и в слякоть — из самых дальних деревень. Учились настойчиво, знали, как нужны грамотные люди колхозу.

Весь наш расчет на вас, сегодняшних школьников. Вам быть в колхозе хозяевами. И совсем скоро!

Ведь иной раз как бывает? Пришла новая техника, покрутитесь вы около нее — и пропал интерес: слишком сложно, непонятно. Вот, скажите, похож я на ученика? Не улыбайтесь! Не похож, по-вашему, а учусь все время, всю жизнь. И все еще многого не умею. Сначала учился — технику изучал. Воевал механиком — самолеты готовили к боевым вылетам, и все больше по ночам. От того, как подготовим машину, зависела судьба товарищей, жизнь, выполнение боевого задания. Потом меня направили в летную школу — снова учиться. Но летчиком воевать мне не довелось — война кончилась. После войны опять стал учиться — восстанавливать, строить.

...Вы знаете, как много строит колхоз. Вот и сейчас строим экспериментально-показательный поселок. Прошли по домам колхозников, каждую семью спросили, в каком доме — одноэтажном, двух- или четырехэтажном хотелось бы людям жить. На нашем опыте будут решать, какие именно дома удобнее, милее сельским жителям. Какие магазины, столовые, школы. Нужны ли деревне асфальти-

рованные улицы — тоже вопрос! Такой, как наш, поселок будет первым в области. Рядом с поселком вырастет животноводческий комплекс. Труд будет механизирован. Это ваше дело, ваше будущее — пустить в ход самые новые сельскохозяйственные машины.

Вы сами знаете, как много работают ваши мамы — доярки, телятницы, овощеводы. Вставать надо затемно, все лето свободной минутки нет... И наверное, именно поэтому иной раз сами родители хотят уберечь детей от трудностей жизни: пусть, мол, в город едут, там поживут...

Как только я в школе показываюсь, вы спрашиваете, куда же после школы идти работать. Хорошо, что вас заранее волнует этот вопрос. Знаю, вы — работающие люди, всегда помогаете колхозу. За это вам большое спасибо! Деньги за вашу работу мы перечисляем школе, так что вы и колхозу, и школе приносите пользу.

Как радостно бывает, когда рядом с родителями вас видим на ферме или на колхозном поле. Рядом сセラфимой Васильевной Завьяловой, например, всегда три дочки крутятся — помогают матери. Все трое доят

дружно, споро. Молодцы! А на тракторе рядом с отцом, Евгением Николаевичем Завьяловым, частенько сыновей видишь. Их тоже трое.

Убежден, где бы ни работали все шестеро Завьяловых, станут они людьми уважаемыми, необходимыми стране. Это наша смена наша надежда!

В своих пионерских отрядах вы работаете под девизом «Бери с коммунистов пример!». Нам, коммунистам колхоза имени Ленина, всегда по душе ваша помощь колхозу, помощь ветеранам труда, но главное — ваша учеба.

Вот вы мне честь оказали — назвали почетным пионером дружины. Я уверен, в нашей дружине — можно ведь мне ее так называть? — нет чужих дел, неинтересных новостей. И поэтому повторяю: сейчас наша главная забота — кем вы будете, какими людьми. И не торопитесь решать. Приглашаем вас после школы поработать в родном колхозе. Доярками, телятницами, полеводцами. Себя проверите, понравится — мы вам путевку дадим в техникум, ПТУ, институт! Стипендией обеспечим. Учитесь, набирайтесь знаний и сил и возвращайтесь домой учеными людьми.

Фото А. Акульшина

ДВА РАЯ

У массы Джима Тернера, на редкость добродушного хозяина, была одна страсть — он любил сочинять всякие небылицы, которые будто бы видел во сне. Был у него слуга, чернокожий Айк, тоже большой выдумщик по части снов. Вот они каждое утро и рассказывали друг другу свои сны. Как вы понимаете, Джиму Тернеру хотелось, чтобы его сон был интереснее, чем сон Айка. Ну а тот, умный парень, делал вид, что сон хозяина намного лучше, и признавал себя побежденным.

Однажды, когда Айк вошел утром в спальню своего господина, тот встретил его привычным возгласом:

— Какой мне странный сон снился, просто удивительно!

— Раз вы говорите, странный, значит, так оно и есть, — почтительно ответил Айк, скрывая усмешку.

— Ну, слушай. Снится мне, будто я попал в негритянский рай. Грязища, не приведи бог! Стоят полуразрушенные лачуги с завалившимися изгородями. Повсюду хлам, отбросы. А по улицам разгуливают оборванные, чумазные негры. Ну, что ты скажешь?

— Гм, гм, масса, — отозвался Айк, — видеть, вы поели на ночь того же, что и я. Потому что и мне снилось, что я попал в рай. Но только для белых. Улицы там вымощены чистым золотом и серебром. Райские ворота разукрашены жемчугом. Молоко и мед текут рекой. Но вот что удивительно, сколько я ни бродил там, так никого и не встретил. Рай был пуст.

ХИТРЫЙ ДЖИМ

Джим, молодой парень, страсть как любил задаваться и прихвастнуть.

Как-то раз к нему подсел незнакомец и завел с ним такой разговор:

— Джим, — начал он, — как я понимаю, тебе здесь неплохо живется?

— Да, сэр, — отвечал Джим, — дела мои идут отлично. Все, что вы тут видите, — мое.

— Как мне кажется, Джим, в этих краях полным-полно белок?

— Да, сэр, их тут видимо-невидимо. Вчера я вышел и убил уйму белок.

— Да и перепелов, я полагаю, здесь водятся порядком?

— Вы угадали, сэр, вчера я их столько настрелял, что теперь не знаю, куда и девать.

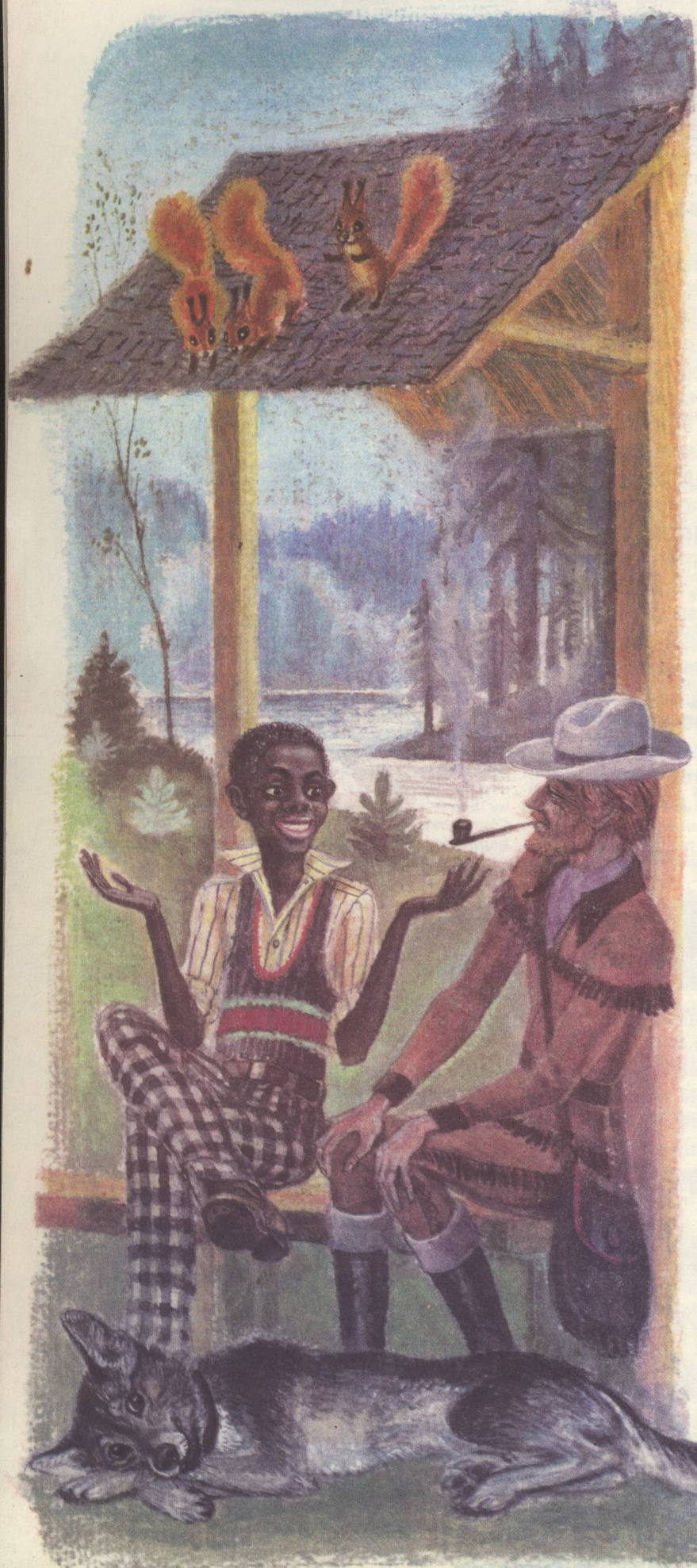
— Джим, я готов побиться об заклад, что ты не знаешь, кто я? Верно?

— Вы правы, сэр, не знаю.

— Ну так знай: я лесник, охраняю дичь от браконьеров.

— Сэр, а вы знаете, кто я? Любои вам скажет, что я самый большой враль во всей округе!

Перевела П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

чек жилой дом для живого щенка — конуру с окнами.

Примерили — мала квартира.

Можно бы, конечно, сделать жилье по росту, да жаль вот ломать уже сделанных Олей зверей — зайца, собаку и, понятно, жирафа.

Наталья ВЕЛЬСКАЯ

Рисунки Ю. Клыкова

8

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Муравьица рано встала,
У плиты захлопотала.
Наварила, напекла,
За соседями пошла:
„Рада видеть на обеде
Вас, любезные соседи.
Чахольдак* уже готов
И душистый вкусный плов“.
Уговаривать не нужно.
Все на зов явились дружно.
Не успели сесть за стол,—
Опорожнились котел.
Муравьицу все хвалили
И друг другу говорили:
„Это мастер виноват,
Что котел был маловат“.

Нариман БАКОЗАДЕ

* Подушечки из теста.

4

УГОЛЁК №4

ОКтяБРЯТСКИЙ АПРЕЛЬ

Кто весь сад привел в порядок?
Кто вскопал двенадцать грядок?
Кто покрасил все скамейки?
Кто цветы полил из лейки?

Это звездочка моя!
Октябрятская моя!

И звенит, летит куда-то
Песня, горяча...
Так встречают октябрят
Праздник Ильича.

В. ВАСИН

Рисунок А. Курушина

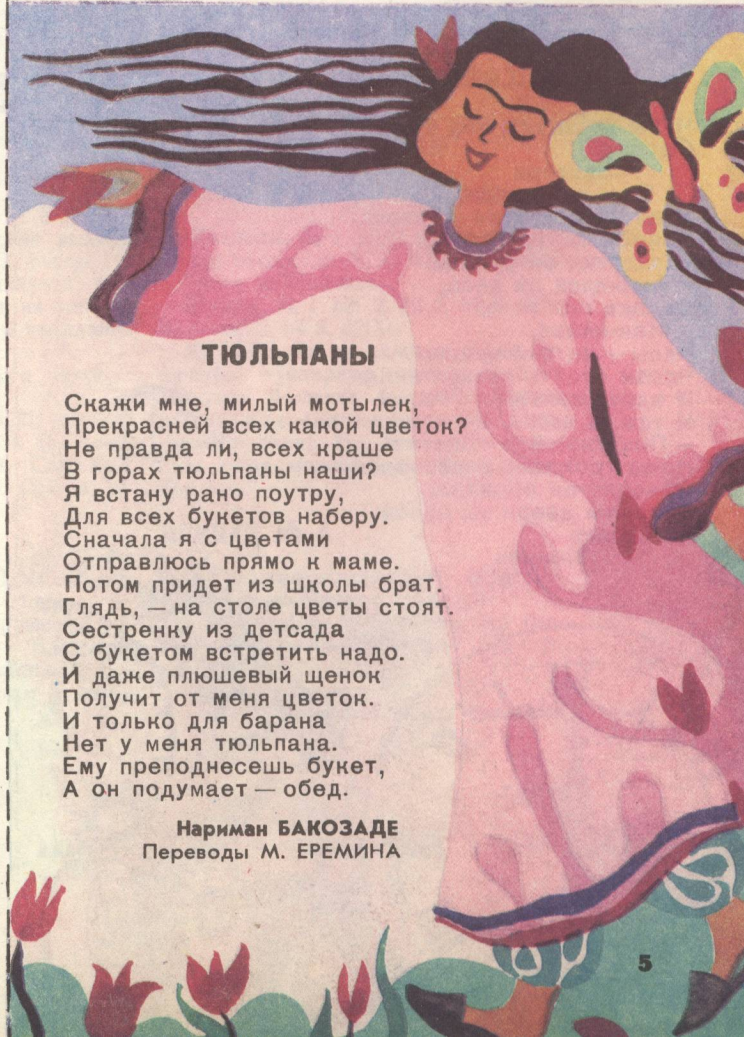

ТЮЛЬПАНЫ

Скажи мне, милый мотылек,
Прекрасней всех какой цветок?
Не правда ли, всех краше
В горах тюльпаны наши?
Я встану рано поутру,
Для всех букетов наберу.
Сначала я с цветами
Отправлюсь прямо к маме.
Потом придет из школы брат.
Глядь, — на столе цветы стоят.
Сестренку из детсада
С букетом встретить надо.
И даже плюшевый щенок
Получит от меня цветок.
И только для барана
Нет у меня тюльпана.
Ему преподнесешь букет,
А он подумает — обед.

Нариман БАКОЗАДЕ

Переводы М. ЕРЕМИНА

5

Четыре странички „Уголька“ нынче особенно нарядные: Уголёк принимает гостей — своих старинных друзей из солнечного Таджикистана.

АПРЕЛЬ

Известен апрель проливными дождями,
Нередко закрыт небосвод облаками.
Но выглянет солнце, и капли дождя
В зеленой траве заблестят жемчугами.
В горах, где еще и сугробы, и лед,
Бьют капли по насту, и солнце печет.
И снег превращается в звонкую воду,
И плавится лед и по склонам течет.
Торопятся талые воды весною
В долины, смешавшись с водой дождевою.
Становятся сразу ручьем ручеек,
Речушкой ручей, а речушка рекою.
Снуют муравьи, пробудившись от сна,
И будит медведей в берлогах весна.
Цветет абрикос, распускается роза.
В садах соловьиная песня слышна.
То жаркое солнце сияет над нами,
То грома раскаты гремят над горами.
Наряден в апреле наш Таджикистан,
Согретый лучами, омытый дождями.

2

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

КОНСТРУКТОР ДЛЯ ОЛИ

Оля давно любит зверей, но нет у нее никого.

Хотели уж было собаку подарить в день рождения, да с собакой нужно гулять — не подходит. Папа „Конструктор“ ей подарил для полезного технического развития, потому что сам инженер-конструктор.

Утром папа, по обыкновению, ушел на работу. А Оля поела на кухне и принялась конструировать.

Сначала она собаку сконструировала, потом зайца с ушами.

Медленно-медленно тянулся будний день — вторник, таял неслышно.

После обеда стемнело.

Мама была занята по домашним делам, а к вечеру глянула, что там наделала Оля из железок, задумалась и погладила тихо Олину голову, но ничего не сказала — вздохнула.

Оля долго еще смотрела на железную собаку и тоже погладила ее по холодной прямой спине и голове.

Позже пришел усталый папа-конструктор, увидел ушастого зайца и понадеялся вслух, что вырастет Ольга замечательным инженером или техником.

— Да, — сказала Оля и ушла спать.

А наутро, едва проснувшись, построила жирафа, похожего длинной шеей на подъемный кран, а мама куда-то пропала до вечера, и не было ее, не было, пока не вернулась.

Мама держала в руках живого щенка.

Оля обрадовалась и кинулась гладить его изо всех сил, а он кусался.

Потом уверенно заковылял по полу и, обнюхав жирафа, лизнул его в шею.

Папа собрал из оставшихся железных палочек

7

Рисунок Ф. Васильевой

ЧАСОВЩИК

Часы не ходят, вот беда...
Скорее

мастера

сюда!

Известно: мастер — голова!

Поймет он, где заело...

И засучил он рукава,

И принялся за дело,

Сказав при этом:

— Как-никак,

Часы — не для красы.

Часам стоять нельзя никак. —

И вдруг полез... в часы!

И там, в часах, воскликнул он:

— Понятно! Все понятно!

Из-за громадных шестерен

Выходит он обратно.

Закрывает двери на засов,

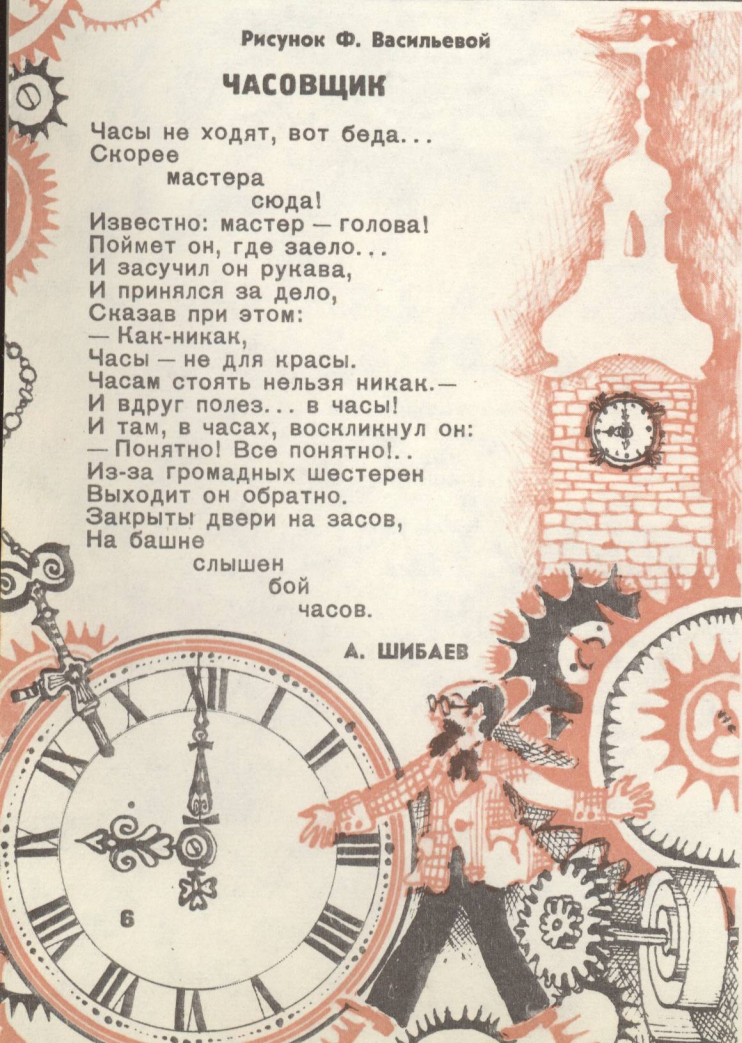
На башне

слышен

бой

часов.

А. ШИБАЕВ

СИЛАЧ

К нам с завода прислан он,
И красив он, и силен.

Аккуратен — ни одно

Не обронено зерно.

Жнец отличный — чисто жнет.

А зерно рекой течет.

Лишь подъедет грузовик —

Полон кузов через миг.

Над бортами груз горой —

Не задерживай, второй!

Третий, тоже не зевай!

Быстро кузов подставляй!

Так с рассвета дотемна

Все бежит поток зерна.

Эй, не мешкай, подъезжай!

Льется в кузов урожай.

Наш комбайн мы все зовем

Самоходным силачом.

Нучман РОЗИК

Рисунки А. Орлова

3

КТО ПОБЕДИЛ В „ТУРНИРЕ-75“

В течение десяти месяцев прошедшего года 1546 доблестных рыцарей яростно ломали копья в упорных сражениях на 64-х клетках шахматной доски, борясь за честь быть в рядах победителей, за спортивный разряд. Шахмат-адмирал Ферзьбери, проверив ни много ни мало 264 786 содержавшихся в рапортах ходов, объявляет: не допустив в финале ни одной ошибки, почетное звание чемпиона **АРЧЕБЕКА** завоевали —

по шахматам: Алексей Булатов (Кострома), Саша Гришаев (с. Ратчино), Рустем Ганиев (п. Залесный), Игорь Денисов (Белово), Игорь Ефимов (Брянск), Сережа Иванов (Ленинград), Саша Нуждов (Семипалатинск), Алексей Панфилов (Ленинград), Игорь Потеряев (Свердловск), Эдик Розенталь (Вильнюс), Сережа Стафеев (п. Мирный), Саша Сергеев (Верхнеуральск), Толя Самарский (Свердловск), Таня Сухая (п. Зеленодольск), Юра Таранников (Прокопьевск), Игорь Утопленников (с. Турунтаево), Володя Шургицев (п. Харба), Юра Штейнман (Баку), Юра Шадрин (Томск);

по шашкам: Юра Таранников (Прокопьевск), Игорь Чернин (Луховицы).

Всем им присвоен 2-й спортивный разряд, каждый награжден дипломом и памятным подарком.

Также вошли в число победителей и награждены — шахматисты: Саша Блiferнец, Володя Баймлер, Коля Востряков, Саша Гришин, Людмила Дзюба, Сережа Крохалев, Витя Колосов, Гриша Кашенко, Миша Кунгурцев, Лена Кузнецова, Саша Мехедов, Таня Низамутдинова, Саша Пайшиков, Света Пуляевская, Игорь Сидоров, Павел Толоконников, Володя Тальский, Игорь Хитко, Наташа Чернышова, Вадим Шайн, Юра Шарашкин, Роман Ширма, Коля Юрин; шашкисты: Женя Антоненко, Саша Атрошенков, Валерий Войтков, Слава Гельман, Володя Деревецкий, Игорь Лакиза, Володя Моджук, Алексей Мешков, Алексей Панфилов, Сережа Похвалитов, Володя Тальский, Вася Тихонов, Володя Устькачкинцев.

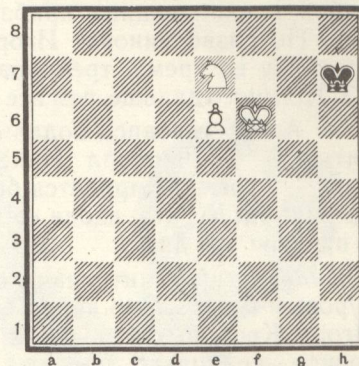
Отважно сражались и те 276 рыцарей, которые выполнили нормы третьего и четвертого разрядов, и те 145 оруженосцев, которые теперь встали в строй рыцарских отрядов **АРЧЕБЕКА**.

Всем победителям, всем новым

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Заходите, рыцари, стол уже накрыт! Сегодня приготовил для вас блюдо рыцарь из поселка Барсуки Владимирской области Николай Коробков. Из трех фигур и пешки он

испек небольшую четырехходовку. Ничего, что мала — достанется всем! Отвдайте, пожалуйста: мат в 4 хода. Ну? Какова на вкус?

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ

Внимание: боевое задание!

Ты уже постиг науку мата королем и ферзем? Тогда расставь фигуры — белые: Крс3, Фh3; черные: Кра3.

Объяви мат без проволочки времени: в два хода!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Шахматы. А. 1. Kh3! и мат вторым ходом обеспечен. Б. 1. Ff5! и черным от мата не спастись.

Шашки. А. 1. b2! 2. f6! 3. b4 4. d2X. Б. 1. d4! 2. b4 3. d2!X.

Не забудьте: за каждую верно решенную турнирную задачу следует записать 5 очков в свой «Листок учета». Как «Листок» сделать? Придумайте сами! Но так, чтобы в вашем учете можно было легко разобратся.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий **АРЧЕБЕКОМ**, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты (на откритках!) до 1 июня.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

разрядникам и всем новым рыцарям — трижды салют!!!

А вот решения задач призового тура — «Костер» № 10, 1975.

Шахматы. А. В 2 хода: 1. Kb7! Б. В 3 хода: 1. Фа2! ба 2. Cf5! В. В 4 хода: 1. e8C! Кра2 2. Cf7+Kp:b1 3. Cc4; 1... Kpb4 2. Лс4+Kpb3 3. Cf7; 1... Kp:a4 2. Лс4+Kpb3 3. Kd2+. Г. Выигрыш: 1. g7 f2 2. Ce7 f1Ф 3. Cf6 Ф:f6 4. ghФ+ Ф:h8 5. d4! Д. Выигрыш: 1. Cc6! Лb1+ 2. Kpe2 Л:h1 3. Cg2+!! Kp:g2 4. Kf4+ Kpg1 5. Kpe1! Е. Только ничья: 1. Kрс6 Kpe2! 2. g4 Kpd3 3. g5 e2 4. Cb4 Kрс4 5. Cd2 Kb6!

Шашки. А. Выигрыш: 1. cb4! 2. b2! 3. e5 4. f4X. Б. Выигрыш: 1. b6! e1 2. f2 3. f8 4. c7X. В. Только ничья: 1. d6 b6! 2... e5! 3... g5! Г. Выигрыш: 1. g1! b4 2. a7 de7 3. c5! Х. Д. У белых проигрыш: 1. f6 f4! 2. e5 fe7! 3... d4! 4... d6X. Е. Выигрыш: 1. fe3! 2. e3! 3. d4!X.

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

После трех туров многие рыцари уже имеют в активе по 30 очков. Ну а тот, кто где-то промахнулся, еще тоже может рассчитывать на успех — на 40 очков, нужных для попадания в финал.

Задание четвертого тура такое.

Шахматистам —

А. Белые Кра3, Фс6, Cf5; черные: Кра1, пп. b3, c4, d5. Мат в два хода.

Б. Белые: Кра2, Ла8, Са6, Kd3, пп. b4, e2; черные: Кра4, Са7, п. e3. Мат в три хода.

Шашкистам —

А. Белые: a5, a7, b6, c1, e1, f2, g3, h2, h4; черные: a3, b8, c3, d4, d6, d8, e7, f6, g5, g7.

Б. Белые: e7, f6, h2; черные: b4, h4.

Автор обеих позиций — Владимир Химерик (Киев): А — концовка, Б — этюд из его партии. И там и там — выигрыш.

КОГО ВЫБИРАЮТ ВОЖАКОМ

— Опять Олегу! — закричала Лена, и весь четвертый «в» дружно захохотал.

Только Игорю было не до смеха: в начале урока он уже забросил один мяч через забор, в огород бабки Кравчук, и вот — опять туда же. Кравчук-младший, Олег из шестого «а», недавно хвалился, что у него только за сентябрь к «коллекции» прибавилось шесть мячей. Но разве виноват Игорь, что бросает он этот мяч во время тренировок к сдаче норм ГТО намного дальше, чем все остальные ребята?

— А ты становись подальше метров на десять, — посоветовал Иннокентий Дмитриевич, — и тогда не придется бегать к Кравчукам за мячами. Кстати, сходи сегодня после уроков и принеси эти два...

Иннокентий Дмитриевич старался говорить суровым голосом, но видно было: нравится ему Игорь Кронда, очень даже нравится. И, наверное, не только потому, что дальше всех сверстников из 19-й краснодарской школы бросал теннисный мячик, быстрее всех бегал, лучше всех работал на гимнастических снарядах. Есть в этом мальчугане что-то заставляющее уважать десятилетнего человека. Такие, как он, всегда атаманы, капитаны дворовых хоккейных и футбольных команд.

— А у нас — и школьные физорги, — добавил учитель физкультуры Иннокентий Дмитриевич Ищенко. — Поэтому группа уже единогласно выбрала Игоря своим физкультурным вожак.

Всего какой-то год назад «вожаком» и не пахло. Был «новенький». Пришедший из другой школы третьеклассник, все спортивные достижения которого укладывались в понятие

«вратарь дворовой хоккейной команды». Добавим от себя: непризнанной команды, из тысяч тех, что самозабвенно сражаются до позднего вечера с клюшками в руках и без... льда (в южном Краснодаре его и на стадионе-то не всегда сыщешь).

В общем, повезло Игорю, что у Иннокентия Дмитриевича — глаз наметанный («Но, кажется, лишь на одних гимнастов», — отшутился учитель). На первом же осеннем уроке в третьем «в» новичок удивил. Не тем, что подтянулся 12 раз (цифра эта не красовалась даже в графе рекордов классных), а как подтянулся!

— Ты занимался, Игорь, в гимнастической секции?

— Да нет...

— А хочешь?

— Не знаю.

Он действительно не знал, хочет ли в гимнастическую секцию. Вот в хоккейную — знал: хочет. Но нет ее пока в Краснодаре. Льда потому что нет. Снаряды гимнастические — есть. Вот и в школе у них зал оборудован что надо! Спросил вечером у брата Кости, студента, идти ли в секцию. А тот:

— Утром зарядку делаешь? Делаешь. Ну, а там будешь еще три зарядки делать.

Шутил, конечно, насчет зарядок. Но, ясное дело, не очень старший брат торопился увидеть Игоря в рядах гимнастов. И все-таки, уже ложась спать, произнес вполне серьезно:

— Сходи разок. Может, понравится...

Легко сказать — «понравится». Смотреть на тренировку — одно удовольствие. Кувыркаются и летают — как в цирке. Да разве сам сможешь так?

— И ты, Игорь, сделаешь не хуже, если захочешь. Захочешь, значит, и тренироваться будешь с душой. Способностей у тебя хоть на двоих. Насчет силы воли пока не знаю.

В общем, лишь немного ошибся в новеньком Иннокентий Дмитриевич. Просто не ожидал, что столько окажется у Игоря этой самой силы воли.

Догонять всегда трудно и нудно. Мальчишки в секции уже кое-что умели, а он и кувыркаться как следует не мог. Прошло всего месяца три, и про кувырки Игорь забыл. Их-то освоил за несколько занятий. Прыжки через «козла», акробатические мостики и перевороты, махи и соскоки на брусках давались намного труднее. Помогли, конечно же, гибкость, ловкость. И врожденные, и «нажитые» в минуты утренней зарядки, которую Игорь ежедневно делает в шесть утра с того сентябрьского дня, когда отправился в первый класс, сопровождаемый Костей.

Среда, пятница, воскресенье, — дни гимнастики. Остальные — все-таки хоккеем. С мячом, без льда. Он по-прежнему вратарь.

...Они стоят, боясь шелохнуться. Игорь и остальные четверо в черных трусах и белых майках с эмблемой 19-й школы. Марш уже отзвучал, а сейчас — гимн, и флаг медленно ползет к потолку.

Апрель 1975 года. Первые в жизни третьеклассника Кронды настоящие соревнования. И у Валеры Шурупова, и у Алеши Воротникова. «Все идет как надо», — улынувшись, произнес после опорного прыжка Иннокентий Дмитриевич. Но опорный прыжок — любимый у Игоря. Впрочем, в подтягивании и вольных упражнениях и он, и вся команда в этот вечер тоже не сплеховали. Опередили немало гостей — команды четырех соседних школ. И уже совсем не страшно оказалось на районных соревнованиях. Меньше девяти баллов не получили ни капитан девятнадцатой, ни его «подопечные»...

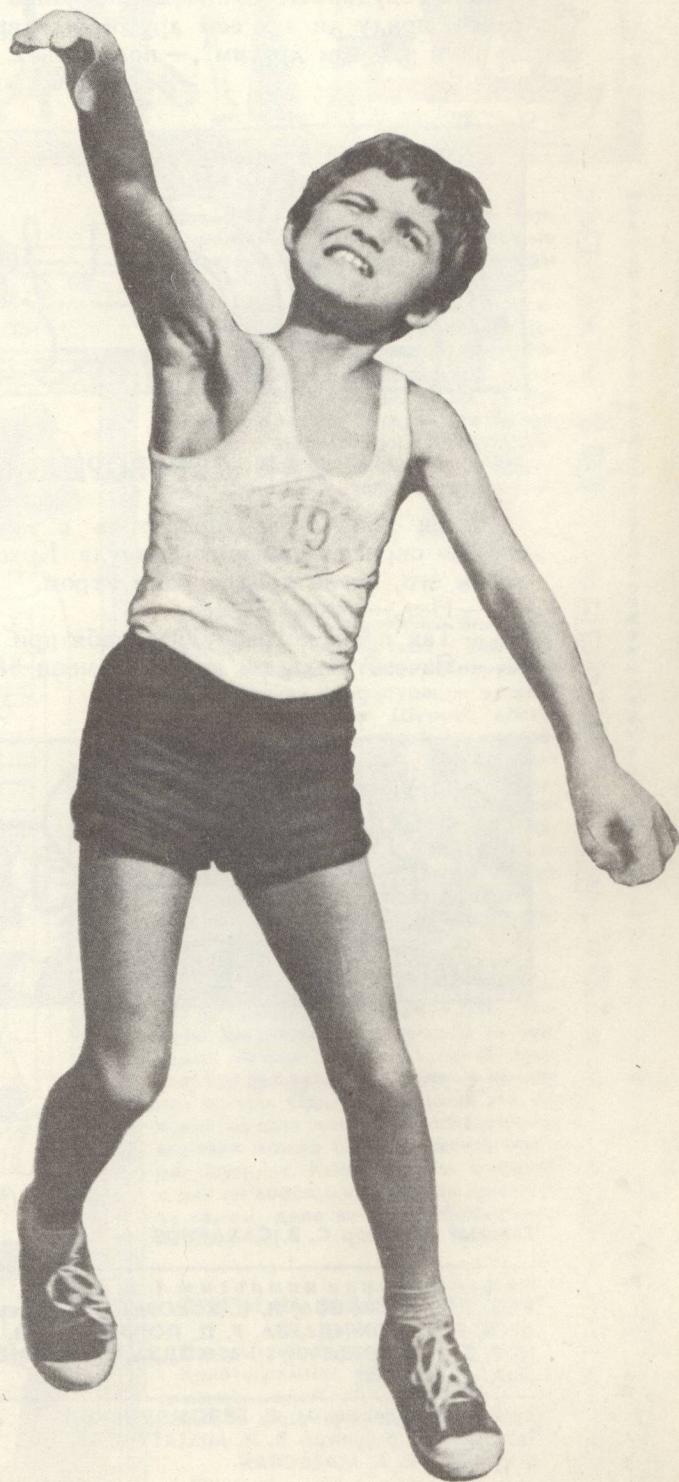
К тому осеннему дню 1975 года, когда мне довелось познакомиться с Игорем Крондой и его друзьями, чемпионство в Ленинском районе и второе место в городе были высшим спортивным достижением самых юных гимнастов школы. Однако по тому, с каким старанием готовились они к штурму очередных гимнастических высот, было ясно: не один еще почетный трофей украсит стеклянную витрину у входа в спортивный зал — выставку кубков, вымпелов, дипломов, грамот.

...Урок физкультуры в четвертом «в» близился к концу. Закончив метать мяч, ребята с азартом играли в «выбивного». И тут тоже темп задавали футболисты Костя Остапов и Боря Гвоздики. Впрочем, не отставал от них и хоккейный вратарь Игорь Кронда. А в ловкости прыжков за небольшим теннисным мячиком даже превосходил.

После урока, провожая Игоря домой на улицу Клары Цеткин, я узнал от него еще немало интересного из жизни школьного физкультур-

ного коллектива. О большой дружбе мальчишек из самой младшей группы гимнастической секции. О хорошей и давней традиции шефства спортсменов-старшеклассников над новичками. И обычае торжественно чествовать школьных чемпионов. Недаром здесь говорят: «Побеждать — так с музыкой!»

М. ЭСТЕРЛИС
(Наш спец корр.)
Фото Г. Малахова
г. Краснодар

Рисунки

А. Курушина

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Македонский царь Филипп, завоевав уже немало греческих государств, отправил послание в Спарту: „Выбирайте, приду ли я к вам другом или врагом“.
„Ни тем, ни другим“, — последовал ответ.

КАК ДОГОВОРИЛИСЬ!

Один докучливый проситель с притворной озабоченностью спросил римского консула Красса, не беспокоит ли он его, когда придет рано утром.

— Нет, — сказал Красс.

— Так прикажи разбудить себя при моем прибытии.

— Зачем? Ведь ты не хотел меня беспокоить!

СОДЕРЖАНИЕ

Конспиративный адрес очерк С. Рубанова, Г. Усыскина рисунки Ю. Шабанова	1
Броневи́к въезжает во дворец очерк С. Маракулина	4
Утро космической эры Стихи Нонны Слепаковой	6
Барабан журнал юнкоров	7
Операция „Тюбетейка“ рассказ В. Жилинской	8
Садимся на лед репортаж В. Стругацкого	12
Диверсия рассказ Б. Раевского	16
Трудный путь к арене очерк В. Тузова	18
Когда один за всех и все за одного репортаж Л. Будащевской	22
Арколола повесть Дж. В. Маршалла	25
Дикая Динга из дневника учительницы Л. Гришкиной	28
У нашей реки рассказ А. Сахарова	38
Окно пятилетки	40
Поговорим о твоём рисунке беседа А. Харшака	43
Морская газета	44
Чудеса вокруг колеса очерк В. Четкарева	46
Мой друг Мохан очерк Р. Баранниковой	48
Библиотека КОСТИ ТЕРкина	52
Почта „Барабана“	55
Негритянские сказки	57
Уголёк журнал для малышей	58
Арчбек шахматы и шашки	59
Кого выбирают вожаком? очерк М. Эстерлиса	61
	62

Главный редактор С. В. САХАРОВ

Редакционная коллегия: Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-29535. Сдано в набор 5/1 1976 г. Под-
писано к печати 27/II 1976 г. Формат
60×90. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 1885. Цена 25 к.

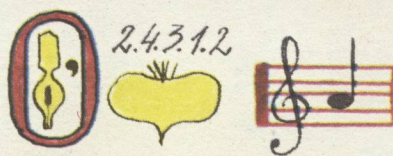
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
197101, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

1 апреля клуб «За семью печатями» праздновал у теплохоловизора. Транслировался спортивный чайнворд, составленный по письмам Коли ДОСКУМБАЕВА из села Нижний Бурлук Кокчетавской области, Саши ХОЖАЙЛОВА и Альберта ИГДАЕВА из Орска.

Б — спортивная игра. Л — спортивное общество. В — советский фигурист. В — советский гимнаст. — Н — советский футболист. О — советский боксер. В — спортивная игра. Л — советский боксер. В — советский хоккеист. В — спортивное общество. К — место для борьбы. Р — советский штангист. Т — советский хоккейный вратарь. К — советский шахматист. В — советский хоккеист. В — советский штангист. В — принадлежность для гребли. О — советский спортивный комментатор. В — шведский хоккеист. Д — чехословацкая хоккейная команда. А — горнолыжник из ГДР. Х — канадский хоккеист. Л — шведский хоккеист. М — канадский хоккеист. Ч — победитель состязаний.

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

2.4.3.1.2

Дружное восхищение вызвали первоапрельские подарки, полученные от хитроумных изобретателей: Юры Найгеля из Карагандинской области, Светы и Лены Сидоровых из Новосибирска, Люды Мишкарудной из Донецка, Сережи Карелова из Баку, Толи Удальцова из Вологодской области, Олега Еремеева из Ельца, И. Руденко из Кривого Рога, Маши Богдановой из Железногорска, Лены Кузьминой и Инессы Горещкой из Житомира, Сережи и Нади Борисовых из Кустанайской области и от неизвестных изобретателей из Междуреченска и Трубчевска.

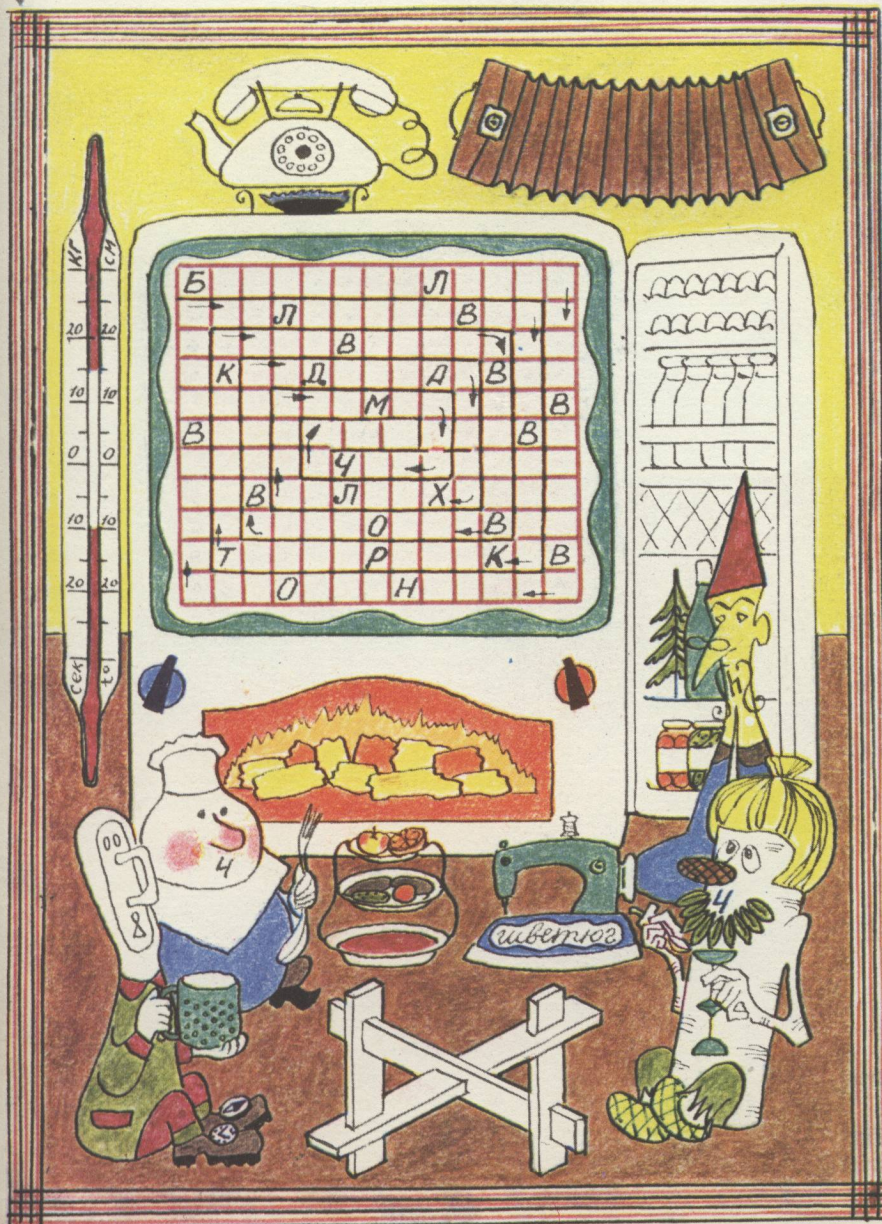
День смеха не обошелся без таинственных и загадочных событий. Среди подарков была обнаружена вещь странной конфигурации и непонятного назначения. Шутник, доставивший ее, тут же исчез, не назвавшись. Демьяша говорит, что это был старичок с рыжими волосами и голубыми глазами. Сиволапычу показало, что это был мальчик, глаза карие, волосы черные. Гном настаивает, что видел девочку, глаза, действительно, карие, но волосы светлые. Хуссейн утверждает, что вещь принесла девочка с голубыми глазами и черными волосами.

В конце концов неизвестный позвонил по телефону и сообщил свои приметы. Оказалось, что каждый из четверых назвал только по одной правильной примете и ни один — по две или по три. Однако, учитывая это условие, из всех четырех высказываний все-таки можно было составить портрет шутника. Каковы были приметы и мог ли вообще кто-нибудь принести на самом деле вещь, изображенную на рисунке?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ № 3.

Ответы на задания № 3.

Криптограмма: «Не куст, а с листочками, не рубашка, а сшита, не человек, а рассказывает».

МЕЖДУРЕЧЕНСКИЕ ТРУБЧЕВСКИЕ

Ты уже догадался, что все эти значки посвящены одному человеку — Юрию Алексеевичу Гагарину.

Уже через два дня после исторического полета художники и рабочие одного московского завода изготовили первый памятный значок и экземпляр № 1 они вручили самому космонавту во время его встречи в столице.

Сегодня «гагаринская» серия насчитывает около ста значков. Она рассказывает не только о жизни и подвиге Юрия Алексеевича, но и о его бессмертии. О кораблях и поселках, школах и пионерских лагерях, которые носят имя первого космонавта Земли.